

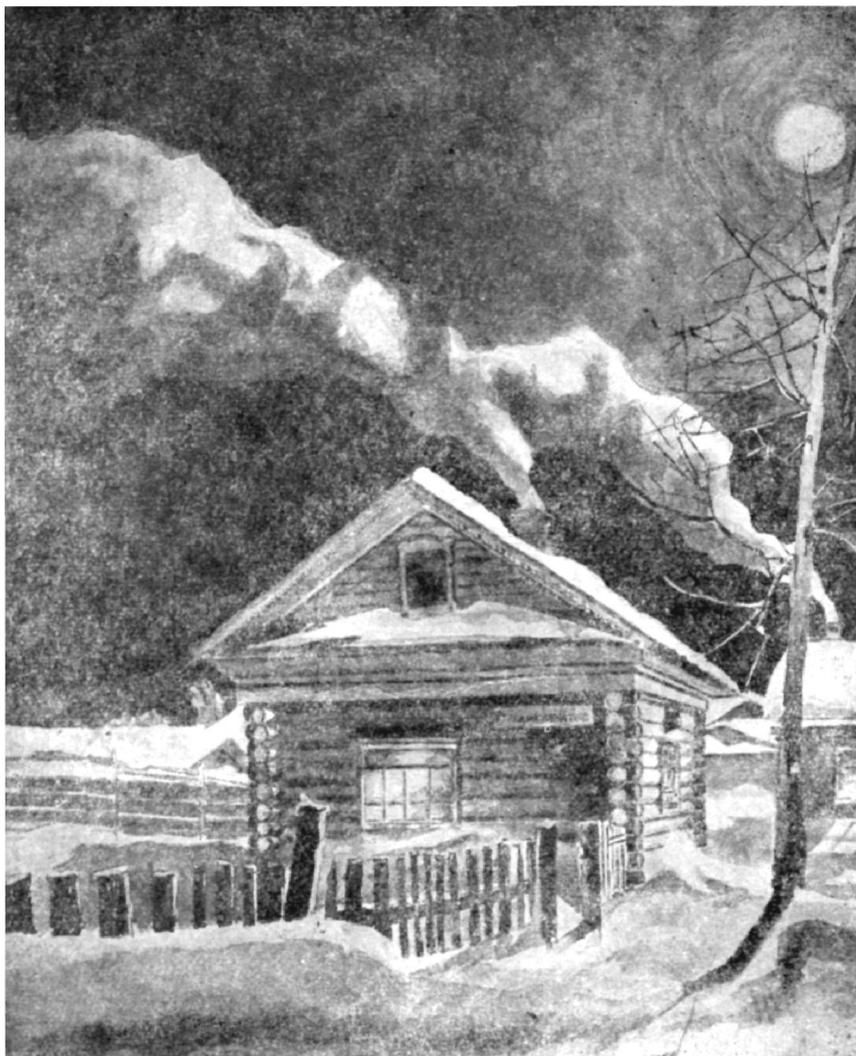

Б. КРИНИЦКИЙ

ДОМИК В ОЧЁРЕ

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

1949

© Электронная книга Зотов Ю.М., Очер, 2011

Электронный вариант с 1 по 63 страницу в основном соответствует типографскому оригиналу 1949 года. В приложении помещена дополнительная информация 2000-х годов, имеющая отношение к этой замечательной книге. Наш Очёр живёт и есть надежда и вера в его будущее.

Б. Г. КРИНИЦКИЙ

ДОМИК
В
ОЧЁРЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО - ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА—1949

*Обложка худ. Б. Месропяна.
Рисунки Е. Хомзе и М. Смирнова.*

Содержание

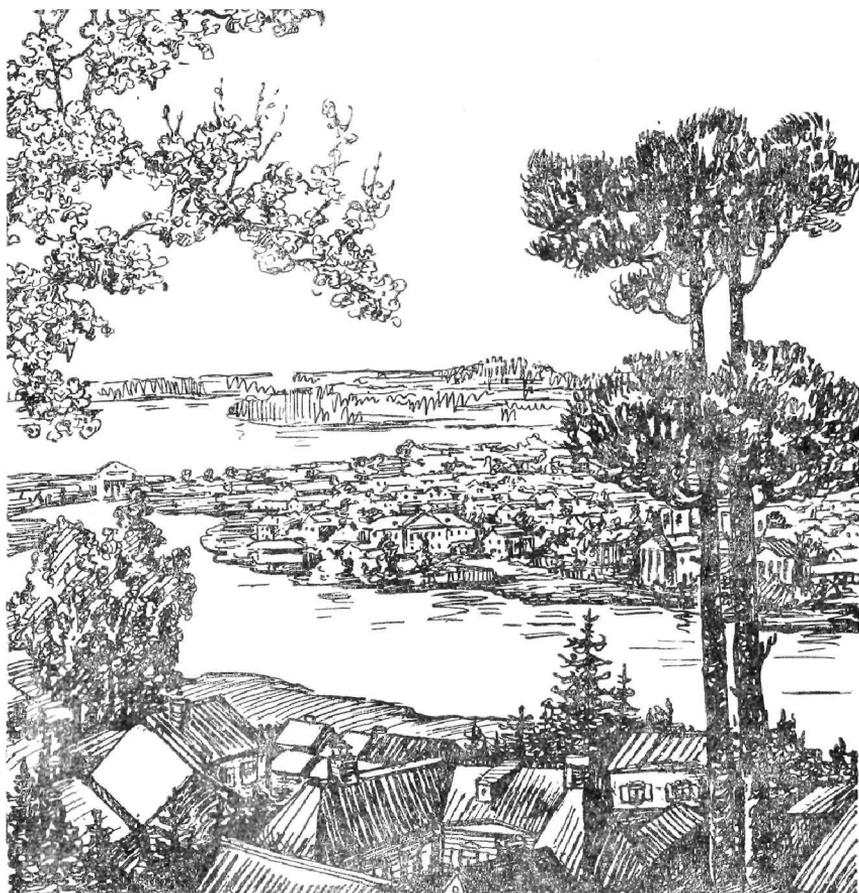
ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	
5	
ДОРОГА НА ОЧЁР И К СЛАВЕ ОЧЁРА	
6	
СУДЬБА ФОТОГРАФА	
8	
ПЕРВЫЕ ШАГИ	
12	
РАСТЕНИЯ БУДУЩЕГО	
15	
НА ПОИСКИ ОЧЁРСКИХ БОГАТСТВ	
18	
КЛАД ПЕСЬЯНЕГО ЛОГА	
22	
ТАЙНА «ЗЕЛЁНОГО КАМНЯ»	
24	
КЛЮЧ К «СЕРЕБРЯНОЙ КОПИЛКЕ»	
27	
ОХОТНИК ГРАХОВ	
31	
ЧУДЕСНЫЕ АЛЬБОМЫ	
34	
ПОБЕЛОЙ ТРОПЕ	
38	
МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ	
39	
УЧИТЕЛЬ ТУРОВ	
43	
ВЕЧЕР ЗИМЫ	
46	
ПРИРОДА И ЛЮДИ	
48	
КУРАНТЫ МЕНЬШИКОВА	
50	
ЗНАТНЫЕ ЗЕМЛЯКИ	
54	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАХОДКА	
57	
У МУЗЕЙНЫХ СТЕНДОВ	
59	
ПРИЛОЖЕНИЕ	
64	

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

ЗИМНИЙ вечер плотно прильнул к трем оконцам маленькой бревенчатой избушки, погрузив в глубокие сумерки все углы ее единственной комнаты. Слабый свет настольной лампы не в силах прогнать полумрак из углов, и от этого вся комната кажется каким-то таинственным сказочным миром.

Ветвистые рога оленя протянули свои отростки к гигантскому бивню мамонта; чей-то череп неправдоподобной величины отбрасывает еще более неправдоподобную тень на стене; птицы неразличимого в комнатных сумерках оперения расселись, как на ночлег, по голым сучкам невидимых деревьев; огромные шестерни неведомой машины, словно устав вращаться, уронили с себя тяжелые цепные передачи; а рядом кошка или рысь уставилась горящими глазами на большую грудку монет, будто охраняя клад — совсем как в чудесной сказке «У лукоморья дуб зеленый; золотая цепь на дубе том»...

Но это вовсе не сказка. Это — краеведческий музей юных натуралистов Очёрского района, в котором собрано многое из того, чем с незапамятных времен до наших дней богат этот район, приютившийся в предгорьях западного Урала. Здесь, в маленькой бревенчатой избушке, берет свое начало та интересная, полная детской романтики и общественной пользы жизнь, которой живут сотни юннатов и краеведов Очёра.

ДОРОГА НА ОЧЁР И К СЛАВЕ ОЧЁРА

СРЕДИ глухих лесов затерялся Очёр, рассыпав свои деревянные домики на берегу огромного пруда. От станции Верещагино, что стоит на великом транссибирском пути, сюда ведет широкий лесной тракт. Двадцать с лишним километров едешь меж елей, берез и осинника, а на подходах к Очёру это разномастье деревьев круто обрывается, уступая огромные земли прямоствольным высоким соснам. Сосны уходят ввысь, как золоченые колонны, со всех сторон поддерживая небо над Очёром.

В дремучем бору, наступающем на все четыре стороны света, вязнут, не успев оглушить своим криком, сирена старинного Очёрского завода и людской шум маленького поселения. Зимними вечерами Очёр стоит совсем безмолвный. Падает снег, приглушая шаги прохожих и скрип санных полозьев; где-то хлопнет калитка, залется лаем сторожевая собака, и снова так тихо, что слышно биение собственного сердца. Затусшеванный вечерней мглой сосновый бор до того черен и высок в темноте, что напоминает гигантский сруб колодца, на дне которого блестит Очёр.

Но как обманчива эта глушь! И здесь, в краю дремучих лесов, познаешь величие нашей сталинской эпохи, и здесь люди живут интересами всей страны.

Очёр — центр довольно большого района, в котором трудятся такие же творцы новой, советской жизни, каких встречаешь в любом конце Родины. И среди этих творцов — искусных уральских литейщиков и металлистов, крестьян, разводящих фруктовые сады под северным небом, учителей, воспитывающих поколение сильных, — есть два человека, которым хочется пожать руку особенно крепко за ту страстную, беспредельную любовь к Очёрскому району, какой проникнут каждый из них и какую оба они прививают своим бесчисленным молодым друзьям — школьникам. Это — Александр Васильевич Нецветаев и Василий Николаевич Грахов.

Первый — директор очёрской станции юных натуралистов, второй — ее зоолог. И тот и другой обладают способностью разжигать в детях страсть к изучению родного края, уводя их то в глубокую старину, то на Очёрский завод с его великолепием современной техники, то в волшебные сады очёрских кудесников-мичуринцев, то на могильники истории, где заступ и лопата звякают о кости мамонта, то в леса, под сенью которых притаилось царство птиц и зверей. И все, что видят детские глаза — в далеком ли прошлом, в самых ли близких нам временах, — все откладывается не только в детской памяти, но и на стендах краеведческого музея, экспонаты которого хранятся в бревенчатом домике, напоминающем чудесную сказку.

Каждый, даже самый маленький советский городок чем-нибудь да славен, и в каждом таком городке есть что-то, что составляет гордость его жителей. В Очёре гордятся станцией юных натуралистов, которую, впрочем, лучше было бы назвать центром интереснейшей краеведческой работы с участием чуть ли не всех очёрцев.

Станция расположена в том же домике, что и музей, — в глубине главной улицы, за фасадами больших зданий.

Давным-давно, когда завод принадлежал графу Строганову, здесь была людская бывшего управляющего очёрским заводом. Стало быть, домик ведет свое летоисчисление с седой старины. Он, наверное, ровесник чугунным солнечным часам, отлитым много десятилетий тому назад заводским инженером Мальцевым и установленным на овражном пути к заводу. По этим часам весь Очёр жил до тех пор, пока радио не стало доносить до него точное время курантов Спасской башни Московского Кремля.

С двух направлений — от главной улицы и со стороны солнечных часов к станции юных натуралистов ведут тропинки, по которым с утра до поздней ночи идут десятки людей — горожан и колхозников, молодых и старых, горячо влюбленных в то, что называем мы словом краеведение, скрывающим за собой богатую творчеством жизнь. Робко стучат в окно станции малыши дошкольного возраста, наслышанные об интересных экспонатах музея юных натуралистов; с деловым, озабоченным видом спешат в маленький домик его неутомимые хозяева — школьники; устало присаживается на скамью древняя, как сам Очёр, старуха, с любопытством осматривающая невиданный ею мир диковинных вещей; толпятся крестьяне дальних деревень, приехавшие за черенками мичуринских яблонь или за драгоценными семенами знаменитой ветвистой пшеницы академика Лысенко; забегает охотник узнать у юных следопытов «адрес» берлоги медведя; стряхивают дорожную пыль с плащей геологи, посланные из областного города Молотова для ознакомления с геологическими открытиями молодых очёрцев...

А Нецветаев и Грахов по очереди принимают посетителей, как дорогих гостей, то раскрывая перед ними в музейных экспонатах занимательную историю мироздания, то посвящая в тайны простого и великого учения Мичурина, то рассказывая о работе своей станции, интересной, словно приключенческий роман, и содержательной, будто большая книга о труде и науке.

СУДЬБА ФОТОГРАФА

Станция основана в годы Великой Отечественной войны. Вначале ее возглавляла старая учительница-пенсионерка Мария Петровна Ежова. Было тут в то время скучновато, потому что под вывеской на простом фанерном листе «Уголок юннатов» стоял совсем пустой дом и дети посещали его без большой охоты. Глубокий возраст Ежовой плохо уживался с детской непоседливостью юных натуралистов. Она любила читать им «ученые» книжки, сидя на летнем солнцепеке или

Александр Васильевич Нецветаев

в жарко натопленной зимой однокомнатной избушке. А школьников тянуло в лес, в поле, где природа и люди творили дивные дела. И, кто знает, быть может, только скуке и суждено было свить свое гнездо под красиво выписанными словами «Уголок юннатов», если бы в конце 1945 года в Очёр не вернулся с фронта демобилизованный солдат Нецветаев.

До войны Александра Васильевича Нецветаева, прожившего в Очёре почти всю свою жизнь, очёрцы знали как фотографа. И хотя уже тогда прослыл он мастером на все руки, занимаясь между делом художественной резьбой по дереву, рисуя декорации для самодеятельных спектаклей и разводя возле своего дома мичуринский сад, — все же никто не подозревал в нем талантливого педагога. И сам он никогда не помышлял о педагогической деятельности, полагая, что, если ему и придется изменить своей профессии фотографа, то только ради садоводства, давняя и сильная страсть к которому всегда вела в его душе единоборство с любовью к фотоаппарату. Он был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, и удачные опыты по вы-

рашиванию невиданных в этих краях плодов и ягод стяжали ему известность, куда более громкую, чем популярность фотографа.

Он прожил более полувека, но сохранил юношеский пыл ко всякому делу, за которое берутся его руки умельца. Вечная неудовлетворенность, вечный поиск нового отличают Нецветаева, высокого, худощавого, светлоглазого блондина. А в глазах, прикрытых очками в простой металлической оправе, то и дело вспыхивают искорки задора, словно перед вами любознательный паренек-подросток, а не пожилой человек с глубокими морщинами на лбу и с густой сединой.

До Великой Отечественной войны его жизнь была мало примечательна. «Свое настоящее место на земле», как говорит сам Александр Васильевич, он нашел после войны. Когда она началась, горячее сердце патриота подсказало Нецветаеву его долг: он ушел на фронт. Это была третья война в его жизни, и во всех войнах враг был один и тот же — немцы, против которых воевал Александр Васильевич, еще будучи просто «Сашкой», в первую мировую и в гражданскую.

Смерть, неотступно следовавшая за ним от берегов Днестра, где солдат Нецветаев принял первый бой, до берегов Дуная, вызвала в нем неистребимую жажду жизни. Но понятие жизни было у него теперь иным. Оно ассоциировалось в его представлении с душистым садом в цвету, и ему хотелось жить уже не для того, чтобы остаться фотографом, а для того, чтобы быть только садоводом. Чем дальше уводила его война от мичуринского сада в Очёре, тем чаще вспоминал он о нем, мечтая о том, неведомо — близком или далеком, дне, когда судьба позволит ему опустить усталое тело на садовую скамейку под тенью выращенных им яблонь. Казалось, не было для него в ту пору ничего дороже этого сада, если не считать желанной победы, в прямую зависимость от которой он ставил и свое возвращение в родной Очёр.

Он и сам не знает, чем можно объяснить так внезапно и всепоглощающе сильно выросшую в нем безотчетную любовь к садоводству. Возможно, ее пробудили воспоминания о довольно частых поездках в город Мичуринск, где фотограф постигал великую науку переделки природы и откуда всегда привозил с собой в Очёр не только ощущение прелести знаменитого на весь земной шар мичуринского сада, но и образцы садовых культур, которые Александр Васильевич бережно высаживал под окнами своего дома. Война делала эти воспоминания еще более теплыми, милыми и радостными, потому что в сыром солдатском окопе человек из мира социализма с особенной силой познает

все безграничное богатство, всю многокрасочность его жизни в мирное время.

Но, вернее всего, была у любви Нецветаева к садоводству какая-то незримая связь с тем, что представилось его глазам на опустошенной фашистами нашей земле. Подобно тому, как все советские люди в своих самых заветных желаниях видели тогда эту землю вновь покрытой многоэтажными городами и светлыми избами деревень, Нецветаев хотел украсить ее садами. Эти сады тянулись в его воображении от дымившихся развалин Украины до Очёра и за Очёр в сплошном цветении яблонь и вишен. Привыкая к новому виду оружия новой войны — автомату, он грезил о книгах, раскрывающих глубокие тайны растительного царства.

Несмело, словно боясь, что его упрекнут в «слишком мирных желаниях», солдат впервые попросил эти книги, лежа после тяжелого ранения в госпитале Днепродзержинска.

Ему принесли Дарвина, Тимирязева, Мичурина, и, читая их, поглощенный величием их учения, он на время забыл о войне. Но зажили раны, и война вновь стала перед ним во всей ее неотвратимости.

Сдав книги в госпитальную библиотеку, Александр Васильевич снова взялся за автомат, без которого, он это знал, для него не было возврата в Очёр..

Но прежде чем вернуться в родной уральский поселок, Нецветаеву пришлось пройти в наступлении всю Украину, которую он с болью в сердце оставлял врагу в первые годы войны, и выйти к берегам Дуная у Будапешта. На этом трудном солдатском пути было много невзгод и лишений, много торжественных дней ощущения победы, но ничто уже не могло заслонить в бывшем очёрском фотографe светлых грез о его новой профессии — профессии садовода.

И вот, наконец-то, он — в Очёре. Сколько самых дерзновенных надежд возникало в нем, когда прошел первый хмель радости от встречи с матерью, с женой и с семьей детьми его большой семьи. Он проводил целые дни в саду, охорашивая любимые фруктовые деревья и ягодные кусты, немножко запущенные без него почти за пять лет войны. К нему опять ходили окрестные колхозники за семенами и черенками плодовых деревьев, и, забросив фотоаппарат, Нецветаев отдался садоводству весь, без остатка, трудясь с каким-то творческим упоением, именно так, как мечтал еще в начале войны, лежа на госпитальной койке в Днепродзержинске.

В это время ему и предложили пост директора очёрской станции юннатов. Предложение было столь неожиданным, что Александр Васильевич растерялся. Во-первых, он никогда не думал, что ему, беспартийному, партия может оказать такое доверие, поставив во

главе большого и ответственного дела; во-вторых, он не педагог, а в-третьих.... в-третьих, новая должность показалась ему не совместимой с теми планами, которые он вынашивал в своем сердце в годы войны. Садоводство и внешкольная работа с детьми — что тут общего?

— Но ведь дети могут быть для вас первыми помощниками в ваших опытах по садоводству, — сказали Нецветаеву в райкоме партии, когда он высказал там свои сомнения.

Правильно! Почему-то он не подумал об этом сам. Сколько рук придут ему на помощь!..

Он ушел из райкома, дав согласие, и в тот же день, зайдя в бревенчатый домик станции юннатов, унесся со свойственной ему страстью ко всему новому, в мечты о будущем.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Нельзя сказать, что призыв Нецветаева к школьникам о помощи в его опытах по разведению новых сортов фруктовых деревьев и ягодников сразу же нашел в детях горячий отклик. Еще не понимая всей увлекательности этих опытов, школьники явно избегали иметь дело с лопатой, которая (чего греха таить!) изрядно надоела им на домашних огородах, где отцы и матери заставляли их сажать картошку, пропалывать морковные и капустные грядки. Особенно неподатливыми оказались мальчики, предпочитавшие возне с землей купанье в речке или путешествие «на край света» — в глубину таинственных, дремучих сосновых лесов, плотной стеной обступивших Очёр со всех сторон. Впрочем и девочки не отставали от мальчишек, то и дело норовя ускользнуть от Александра Васильевича с его докучливыми уговорами.

Не трудно представить, какое большое разочарование постигло Александра Васильевича на первых порах его пребывания в деревянном домике юных натуралистов, который, как и прежде, оставался почти всегда пустым.

«Ну, конечно, это надо было предвидеть, — думал Нецветаев с огорчением, сидя в одиночестве. — Какой я педагог, если дети чураются меня».

Он попробовал завлечь школьников лекциями о Мичурине, о его жизни и творчестве, но эти лекции, ставшие теперь любимыми всей молодежью Очёра, в ту пору не собирали и пяти человек. «Почему?» — спрашивал себя бывший фотограф и не знал, что ответить, так как в ту пору ему еще было неизвестно, что рассказ о природе бывает интересен только тогда, когда его иллюстрирует сама природа. Александр Васильевич понял это несколько позже.

Настойчивость, с которой привык Нецветаев доводить до конца любое дело, удерживала его от бегства с поста директора. Он придумывал десятки способов, чтобы разжечь в детях интерес к садоводству, и, безуспешно испытав их, продолжал поиски педагогических тропинок к сердцу ребят до тех пор, пока однажды внезапно его не осенила счастливая мысль. Александр Васильевич даже захопал в ладоши со свойственной ему юношеской привычкой к бурному проявлению радости. И как это он не додумался до этого раньше! Через несколько дней в его крохотную квартиру на улице Урицкого, 17, пришли ученики и ученицы старших классов очёрских школ. Их было немного — восемь или десять, и все они недоумевали, зачем их пригласил к себе Нецветаев. А Александр Васильевич, угостив ребят чайком, предложил им осмотреть его фруктовый садик.

Стояла весна, и сад был весь окутан легкой розоватой дымкой цветения. Красовалась тут раскидисто-ветвистая чудо-яблоня, на которой привито шестнадцать сортов яблок; стлалась по земле картофельная ботва с привитыми на ней помидорами; жались к деревянной изгороди гибридные кусты смородины и крыжовника; на рябиновом дереве рос боярышник; осыпались розовые лепестки абрикосов и вишен; цвела ирга, ягоды которой в то время были в Очёре редкостью.

Будто во сне бродили школьники по цветущему саду Нецветаева, то и дело оглашая весенний воздух звонкими голосами изумления и восторга, а после осмотра сада хозяин повел своих юных гостей в дом, где его жена устроила настоящий пир. Обеденный стол был уставлен прошлогодними свежими яблоками, сушеными абрикосами, сахаренными вишнями, кистями сладкой рябины, вареньем из крыжовника, смородины и малины, ягоды которой были так крупны, что вылезали из сиропа.

Поздним вечером ушли ребята от Александра Васильевича, унося с собой аромат и «вкус» его сада и страстное желание завтра же начать опыты по выведению тех неведомых сортов фруктов и овощей, о которых рассказал им директор станции юннатов. Он расширил в мечтах детей границы своего садика до беспредельных просторов колхозных полей Очёрского района, куда, по замыслу Нецветаева, должны были перебраться со временем тысячи фруктовых деревьев и ягодных кустов, выращенных руками очёрских школьников.

...Теперь те дни первых детских опытов ушли в историю, и великая мичуринская наука преобразования природы завладела помыслами не только восьми или десяти юных гостей Александра Васильевича, посетивших его квартиру и сад весной 1946 года, — она стала

неотъемлемой частицей жизни сотен детей, она вошла в программу всех пяти очёрских школ. Нет для школьников на уроках биологии ничего более интересного, чем «вылазка» всем классом на станцию юннатов. Здесь они изучают ботанику, познают способы размножения растений и методы их гибридизации, обучаются у Нецветаева искусству превращения тестообразной восковой массы в муляж — мертвое, но красивое подобие овощей и фруктов. Александр Васильевич — большой знаток этого искусства, которому обучали его еще до войны крупные специалисты в Мичуринске и на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Они удивлялись тогда: зачем понадобилось «провинциальному фотографу» их ремесло! Теперь им стало бы понятно — зачем, если бы хоть один из них заглянул в Очёр и увидел Нецветаева среди детей в белых фартуках у стеллажей с муляжами или за составлением «Руководства муляжного дела» с пояснительными рисунками бывшего «провинциального фотографа».

Муляжи украшают сейчас бревенчатые стены музея, а рядом с ними развешаны живые плоды школьных опытов. Тут и табак, привитый на картофельной ботве, и ветка рябины с растущими на ней яблоками, и необычайные гроздья выращенных на одном и том же помидорном стебле табачных листьев, картофельных клубней и желтых, «ягодного» сорта помидоров, — десятки всевозможных диковинок, подтверждающих великую правду мичуринского учения о возможных и доступных человеку видоизменениях растений.

Быть может, некоторые из этих школьных опытов не имеют практического значения для нашего сельского хозяйства, но они знакомят детей с техникой будущих серьезных научных работ и воспитывают в подростке хорошее, горделивое чувство хозяина природы, которому подвластно все растительное царство в его безграничном многообразии. Впрочем, очень часто опыты приносят пользу и народному хозяйству Очёрского района, особенно те, которые Нецветаев начал еще до войны в своем волшебном садике и которые продолжает сейчас, после перерыва в военные годы, с участием множества школьников на пришкольных участках, ставших как бы филиалами станции юннатов.

Такие участки имеют не только каждая из пяти школ Очёра, но и многие сельские. Обычно это небольшой обнесенный забором квадрат земли, где на грядках осуществляются опыты, задуманные в бревенчатом домике при свете керосиновой лампы, что стоит на письменном столе Нецветаева.

Уже после Великой Отечественной войны, следуя примеру всей страны, ученики и учителя украсили участки молодыми яблоньками,

сливовыми и вишневыми деревьями, кустами малины, клубники, крыжовника и смородины. На пустырях возникли сады, под сенью которых бьется живая творческая мысль юных очёрских натуралистов.

РАСТЕНИЯ БУДУЩЕГО

Обычно земля дает в год один урожай какой-либо культуры. Не трудно себе представить, насколько богаче стала бы наша страна, если бы с каждого гектара земли люди собирали два-три урожая. Возможно ли это? Советская наука говорит: «да, возможно», и очёрские юннаты подтверждают эту возможность, получая даже не по два, не по три, а по четыре урожая в год с одного и того же участка.

Ранней весной они сажают в грядки редис и лук на перо. В это же время в парниках выращивают рассаду скороспелой капусты, которую высаживают через двадцать дней на место уже созревших и убранных лука и редиса. Урожай капусты снимают в августе, после чего на капустном корне, оставшемся в земле, образуется множество новых завязей. Эти завязи срезают, за исключением двух, которым достаются все жизненные силы, предназначавшиеся для удаленных завязей. В конце концов на старом корне вырастают два новых плотных белоснежных вилочка капусты — четвертый урожай с одного и того же участка земли.

Удачный опыт юных натуралистов заимствован многими колхозами на колхозных полях и колхозниками на приусадебных участках. Но гораздо большей известностью пользуются разработанный очёрскими юннатами способ размножения помидорной рассады вегетативным путем.

Первого марта, когда зима в Очёре еще и не думает уступать место весне, семена помидоров высевают в ящик, поставленный на окно под лучи света и солнца, если оно уже проглядывает сквозь серый полог низких зимних туч.

После того как семена дадут достаточно высокие ростки, эти ростки разрезают на девять черенков с таким расчетом, чтобы на каждом черенке был листик. Затем черенки сажают во влажную камеру — ящик, покрытый стеклом и наполненный до половины торфом, смешанным с прокаленным речным песком. Примерно неделю в камере, установленной на лежанке печки, происходит интересный процесс образования корневой системы у каждого черенка, превращаемого из частицы порубленного на девять долек помидорного ростка в самостоятельное растение.

Таким образом получается новый посадочный материал, высаживаемый уже обычным путем — сначала в навозно-торфяные горшки для того, чтобы растения окрепли и хорошо развились, а потом — в грунт.

К этому же времени пеньки тех растений, что были разрезаны на девять частей, оставшись в ящике на окне, пускают новые побеги и снова становятся рассадой.

Что дает способ вегетативного размножения? Ответ на этот вопрос вы услышите теперь не только от юннатов, но и от десятков колхозников Очёрского района, заимствовавших их опыт и с уважением, с благодарностью вспоминая имена учеников старших классов — Веры Логиновой, Юры Шардакова, Юры Вшивкова, Юры Володина, Пети Сереброва и Бори Кремлева. Это они, молодые новаторы, под руководством Нецветаева доказали, что размножение таким путем помидорной рассады экономит семена и место на окнах или в парниках, где она выращивается, а главное — дает возможность получить самый ранний урожай помидоров, отличающихся к тому же большими размерами.

Авторы опытов по вегетативному размножению помидоров прославили себя и разработанным ими способом посадки картофеля рассадой. Они получили от шести картошек, общим весом в один килограмм, урожай в сто семьдесят восемь килограммов. Знаменитая картошка юннатов, отдельные клубни которой весят больше килограмма, размножается сейчас в колхозах, как и другие сорта этой культуры с рекордным урожаем, собранным на пришкольных участках.

Очёрская станция юных натуралистов стала маленьким научным центром сельского хозяйства всего района. Отсюда пришел на поля колхоза «Путь Ленина» голозерный овес, дающий высокий и устойчивый урожай; отсюда взяли лучшие колхозы первые драгоценные семена ветвистой, самой высокоурожайной в мире пшеницы академика Лысенко; здесь получают советы колхозные опытники, разрабатывающие в хатах-лабораториях свои способы повышения урожайности сельскохозяйственных культур; сюда спешат очёрские садоводы-мичуринцы за саженцами и сеянцами яблонь среднерусских сортов. И, пожалуй, садоводов больше всего среди взрослых посетителей бревенчатого домика в глубине главной улицы Очёра, потому что сам Александр Васильевич Нецветаев — прежде всего садовод. Следуя учению великого преобразователя природы И. В. Мичурина, он задался целью вывести из местных сортов такие новые яблони, которые давали бы под северным небом Урала спелые, большие и вкусные плоды.

Яблоневого сада в Очёрском районе мало, и чуть ли не все они выросли из семечек, посаженных в свое время садоводами-любите-

лями. Яблоки, получаемые от них, — мелкие, кислые, вяжущие рот. Но почти каждая яблоня чем-нибудь отличается от других.

Одна наиболее легко переносит лютую уральскую зиму, другая дает менее кислые плоды, третья славится самыми крупными в этих краях яблоками, а все яблоневого дерева обладают общим и очень ценным свойством — они прочно акклиматизировались здесь, доказав возможность плодоносить даже в суровых природных условиях западного Урала.

Нецветаев решил взять от каждой из этих яблонь, называемых местными, ее лучшие качества и путем многолетнего скрещивания привить все эти качества одной яблоне, которая отличалась бы хорошей морозостойчивостью и давала бы наиболее крупные и наиболее вкусные плоды.

С этой целью он при помощи юннатов выявил 842 яблони и вот уже несколько лет подряд вместе со школьниками продолжает свои поиски новых, еще никому пока неизвестных сортов, которые по замыслу Александра Васильевича должны превратить Очёрский район в «Уральский Крым».

Быть может, этот замысел слишком смел, но вера в него одинаково глубока и у Нецветаева, и у его юных помощников, и у очёрских колхозников, мечтающих о больших яблоневых садах, в которых будут расти «уральский кандиль», «очёрский синап» и «свой бумажный ранет», как растет сейчас в саду Александра Васильевича на зло всем малOVERам чудо-яблоня с привитыми на ней шестнадцатью сортами душистых яблок. И вообще, уж если зашла речь о вере в силы селекционеров Очёра, то можно привести в подтверждение их творческого таланта, например, новый сорт абрикоса, полученный Нецветаевым и его молодыми «ассистентами» от малосъедобного, но морозостойчивого маньчжурского абрикоса, опыленного пыльцой абрикосового дерева, растущего в Никитском ботаническом саду под Ялтой. Так вот, если крымские абрикосы пришли в Очёр, породнившись с маньчжурскими, то почему бы крымским яблокам не попасть сюда, войдя в родственные отношения с очёрскими?

НА ПОИСКИ ОЧЁРСКИХ БОГАТСТВ

Но и самые интересные опыты юных мичуринцев, конечно не могли увлечь всех школьников Очёра, ибо перед каждым из них наша страна раскрывает мир безграничных желаний и возможностей. Не все хотят быть агрономами, и даже тот, кто терпеливо размножает черенками помидорную рассаду, мечтает, возможно, о будущей профессии геолога или лесовода, либо видит себя у штурвала корабля, в кабине летчика, в лаборатории физики, на сцене театра. Известна, на-

пример, почти всеобщая страсть ребят к путешествиям. В самом деле, что может быть занимательнее многодневной экскурсии, скажем, в очёрские леса, где каждый день приносит столько нового, что это новое не вместит годовая школьная программа по биологии и зоологии, где у больших костров можно просидеть ночь напролет, слушая ночную тишину соснового бора и нескончаемые рассказы лесника или пастухов, коротающих время в ночном.

Нецветаеву очень хорошо знакома эта притягательная сила путешествий, потому что и сам он смолоду любил, взвалив на плечи рюкзак, побродить по родному краю. И если его призыв к школьникам о помощи в мичуринских опытах не встретил сразу горячего отклика, то на предложение устроить первую экскурсию отозвались сотни ребят.

Был уже конец весны 1946 года. Дремучий бор наполнял городок крепким запахом сосен, сменивших зимний темный наряд на яркозеленый. Гигантский красивый пруд, разлившийся на девятьсот гектаров, отражал в своем зеркальном блеске сбегавшие к его берегам деревянные домики и большой остров посредине пруда, где тысячи прямоствольных деревьев жались друг к другу, словно боясь замочить в воде свое пышное весеннее убранство. Ночами луна обливала городок молочным светом, и тогда на фоне потемневшего в своей густоте бора Очёр казался видением, озаряемым багровыми вспышками огней завода, раскинувшегося в котловине у пруда.

Как ни красив этот далекий северный рабочий поселок в летние дни и ночи, трудно усидеть в нем, не поддавшись призывному искушению обступивших его лесов, манящих к себе с неодолимой силой.

Вот почему весть об экскурсии взволновала все юное общество Очёра. Это стало главной темой разговоров в школах, в детском доме, в ремесленном училище. Еще никому не был известен точный маршрут первого путешествия, никто не знал, как скоро оно состоится и кто именно отправится с Нецветаевым в «неизведанные глубины очёрских лесов», а мальчишки уже выпрашивали у отцов «настоящие» болотные сапоги и девочки запасали провизию, пряча куски хлеба в мешочки, сшитые из обрезков домашнего шитья.

В избушке станции натуралистов стало необыкновеннолюдно. С утра до позднего вечера толпились тут теперь уже не только юные мичуринцы, но и те, кто еще вчера с холодным равнодушием обегал избушку, спеша в кино, на футбол или на рыбалку. Все приставали к Александру Васильевичу, пытаясь выведать у него хоть что-нибудь о его экскурсионных планах.

А Александр Васильевич пока и сам не знал, куда и зачем поведет он детей. Его даже немножко испугала эта всеобщая взбудораженность ребят. По правде говоря, не ожидал директор, что почти весь юный Очёр захочет отправиться в путешествие по родному краю.

Надо было придумать что-то такое, чтобы экскурсия не превратилась в простую прогулку по лесам и долам. Но что именно? Над этим вопросом бывший фотограф, прозванный ныне командиром армии маленьких, ломал голову несколько дней, поневоле заставляя свою «армию» сгорать от нетерпения. И, как часто случается с Нецветаевым, хорошая мысль осенила его в ту последнюю минуту, когда ему уже нельзя было делать перед ребятами вид, что он держит от них свои планы в тайне, так как кто-то распустил слух о том, что «директор обманывает и никаких экскурсий не будет».

Утро того дня, когда Александр Васильевич решил объявить цель и маршрут путешествия, застало его в кабинете главного инженера Очёрского завода. Он долго что-то записывал в блокнот со слов инженера, потом горячо поблагодарил своего собеседника, сказав ему, пожимая руку: «Сделаем все, что зависит от нас».

Поднявшись в гору от завода мимо чугунных солнечных часов, Нецветаев направился прямо на станцию юннатов. Тут его уже ждали, несмотря на ранний час, самые нетерпеливые ребята. В окна избушки заглядывало яркое весеннее солнце, поднимавшееся из-за плотной стены соснового бора, и словно звало школьников в щедро озаренные им лесные дали.

— Ну вот, детки мои, — начал Александр Васильевич, опускаясь на услужливо пододвинутый кем-то стул, — собирайте свои мешочки-котомочки, скоро отправимся в путь. Пойдем искать наши богатства.

— Какие? — раздались изумленные голоса.

— Пока песок и огнеупорную глину, — ответил Нецветаев.

— Зачем? Кому они нужны? — посыпались еще более недоуменные вопросы.

— Мы идем не просто гулять, а выполнять государственный заказ нашего завода, которому глина и песок необходимы для производства, — сказал Александр Васильевич.

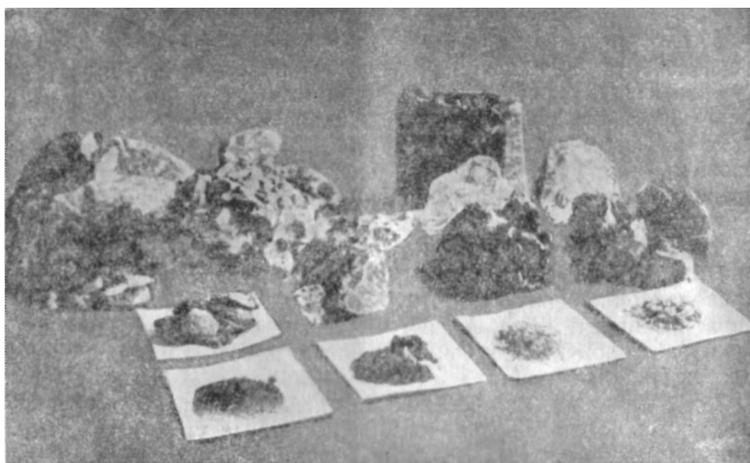
От этого сообщения ребята сразу стали немножко важными. Стихли смех и шутки, и кто-то срывающимся баском с деловыми нотками в тоне спросил:

— И много им надо такого сырья?

— Чем больше, тем лучше, друг мой, — ответил Нецветаев и, вынув блокнот, стал составлять список участников первой экскурсии.

Желающих оказалось столько, что, действительно, хоть сформируй из них чуть не армию. Надо же было всего лишь человек десять-пятнадцать. Директор станции решил взять на себя ответственность перед недовольными и отобрал наиболее крепких, выносливых школьников, дав остальным слово зачислить их в состав следующих экскурсий.

Мы еще вернемся к путешествиям юннатов в очёрские леса, поэтому не будем сейчас останавливаться на описании первой экскурсии, отправившейся на поиски огнеупорной глины и песка. Скажем лишь, что

Образцы полезных ископаемых Очёрского района.

каждый из участников этой экскурсии, которую вернее было бы назвать экспедицией юных геологов, провел несколько незабываемых дней на лоне природы и вернулся в Очёр, гордый сознанием исполненного перед Родиной долга, потому что бережно нес с собой образцы обнаруженных им материалов, необходимых для заводского производства. С тех пор поиски полезных ископаемых вошли в план работы станции натуралистов.

Экскурсии, которые еще недавно представлялись всем просто увеселительными прогулками, вдруг приобрели глубокий смысл. Безотчетное влечение к лесным походам сменилось неистребимой жаждой исследований. Многим ребятам уже снилась слава великих русских первооткрывателей земель и подземных богатств, и юношеские сны стали беспокойными от вечного ожидания больших событий, героями кото-

рых были, конечно, они, школьники, превращавшие крохотный кусочек западного Урала в сокровищницу Родины.

И действительно каждое лето очёрские юннаты что-нибудь находят в недрах своего района. То это огнеупорная глина и песок, то гравий и конгломераты, применяемые строителями прокладываемой неподалеку железной дороги, то какой-нибудь редкий минерал, то марганцевая руда, история находки которой заслуживает того, чтобы рассказать о ней особо.

КЛАД ПЕСЬЯНЕГО ЛОГА

Как-то раз, в один из летних дней 1946 года Александр Васильевич отправился в разведку маршрута очередной экскурсии. Такие разведки он предпринимает обычно один, чтобы выбрать наиболее красивые и мало известные места, где дети могли бы с большей пользой провести время, делая зарисовки с природы или изучая еще неисследованное геологическое строение земли по оврагам и откосам. Но на этот раз Нецветаев взял с собой юнната Юру Вшивкова.

Уже пройдя километров тринадцать на восток от Очёра, они забрели в Песьяний лог и решили сделать тут короткий привал. Пока Юра собирал сучья для костра, на котором собирались варить обед, Александр Васильевич прилег, закинув руки за голову. Любуясь величавым лесом, он отдался во власть воспоминаний.

Одна за другой пробежали в памяти картины детства, юности, вспоминались друзья, из которых «иных уж нет, а те далече», и среди них — Петр Яковлевич Бояршинов, старый рабочий Очёрского завода, большой любитель побродить с ружьем, поговорить «красиво», за что и был прозван «малиной» ...«Не стало дорогого друга», — с горечью прошептал Нецветаев и мысленно в мельчайших подробностях восстановил день его похорон, состоявшихся много лет тому назад.

Но почему именно на Бояршинове так долго задержалась его мысль? Александр Васильевич смутно вспомнил о каком-то деле, по которому Бояршинов забегал к нему, кажется, еще в 1928 году... Что-то он говорил тогда о Песьянем логге... «Да, да, не зря старик пришел мне на ум именно сейчас, когда я тут валяюсь», — решил директор станции юннатов и напряг всю свою память, силясь отыскать в ней след забытого разговора с Бояршиновым в давнюю пору молодости...

— Эко! — вдруг закричал он неожиданно для самого себя. — Как я мог запомнить такое дело! — И, вскочив на ноги, забыв об обеде, который уже закипал в котелке над костром, Александр Васильевич затормозил изумленного, даже слегка испугавшегося Юру:

— Клад тут должен быть, милый мой Юрчик, клад в этом самом Песьянем логу!

Волнуясь, он потащил не в шутку перетрусившего мальчика к откосу и стал торопливо перебирать руками искрошившуюся на дне лога горную породу.

Набив свои и Юрины карманы отобранными образцами породы и наскоро проглотив у костра сильно выкипевший «сухой бульон», Нецветаев поделился со спутником воспоминанием о важном разговоре с Бояршиновым.

— Понимаешь, — рассказывал он, положив руку на плечо Юры, — пришел тогда ко мне старик и говорит: «Нашел я в Песьянем логу какую-то руду, но что за руда и в толк не возьму». А я, чтоб мне пусто было, пропустил новость мимо ушей, потому что смотрел тогда на мир только через объектив фотоаппарата. А теперь вот, пока ты обед варил, мне все это вспомнилось. Посмотри-ка, кажется мне, что тут марганцевая руда, — и Александр Васильевич выложил на ладонь несколько собранных камней, черными искорками блестящих на солнце.

Взяв с Юры честное пионерское — «никому ни гу-гу» (зачем шуметь раньше времени!), Нецветаев, вернувшись в Очёр, спрятал свою находку под замок. Никто, кроме них, ничего не знал о ней, но многим бросилось в глаза, что директор станции юннатов стал уж очень часто пропадать, как говорили, «в неизвестном направлении». И Юре доставалось дома за таинственные исчезновения на целые дни. А Нецветаев с помощью молодого друга продолжал собирать в Песьянем логу образцы руды и закладывал там шурфы — нечто вроде маленьких шахт, исследуя со всех сторон предполагаемое месторождение.

Много дней провели исследователи в походах за тринадцать километров на восток от Очёра, много пудов породы перерыли и перебрали своими руками, прежде чем Александр Васильевич, окончательно уверовав в ценность своей находки, решил сдать несколько самых крупных образцов руды на анализ в лабораторию Очёрского завода.

Оба ждали результатов анализа с таким чувством тревоги, точно заводские лаборанты решали их собственную судьбу. Наконец, директор завода поздравил «геологов» с большой победой: руда содержала 35 процентов марганца.

Александр Васильевич крепко обнял Юру и, забыв надеть кепку, быстро зашагал в райком партии.

Секретарь райкома Юрий Александрович Миролюбов, оторвавшись от своих дел, встретил Нецветаева, как всегда, радушно. Решил, что Александр Васильевич зашел к нему что-нибудь по-

просить для юных натуралистов, а он им ни в чем не отказывает, всегда и всем говоря :«Станция юннатов — это самый большой и ценный сад нашего района».

— Ну, что надо, старина? — спросил секретарь, протягивая Нецветаеву руку.

— На этот раз — ничего, Юрий Александрович.— На этот раз не от Родины просим, а Родине даем,— произнес несколько торжественно директор станции и высыпал на стол Миролюбова образцы марганцевой руды, прикрыв их белым листком анализа заводской лаборатории.

Еще не улегшееся волнение Нецветаева передалось и секретарю райкома.

— Кто нашел? Где? Когда? — затормошил он Александра Васильевича.

— Юннат Юра Вшивков. В Песьянем логу. Совсем недавно,— ответил в тон Миролюбову Нецветаев, не упоминая о своей роли в этом деле.

— Ах, милые вы мои ребятишечки! — радостно выкрикнул секретарь, забыв, что перед ним человек с седой головой.

— Машину!— приказал он вбежавшему на торопливый звонок курьеру.

Они помчались в Песьяний лог...

А через десять или двенадцать дней из областного города Молотова, куда были отправлены образцы марганцевой руды, пришло письмо из облплана:

«... Уважаемый Александр Васильевич и Юра! — говорилось в этом письме. — Подтверждая получение посланных вами образцов, сообщаем, что результаты исследования их являются весьма обнадеживающими. На основании ваших работ по выявлению месторождения марганцевой руды в местности Песьяний лог геологами молотовской геологической экспедиции будет проведено детальное исследование с целью промышленного использования месторождения. Благодарим вас обоих за ваш совместный труд на благо нашей великой Родины».

Это письмо стало гордостью всех очёрских юннатов. Однако оно не единственное. Хранится на станции юных натуралистов другой документ, похожий по содержанию на первый, но присланный из Молотова уже по другому поводу,— он раскрывает старую тайну «зелёного камня».

ТАЙНА «ЗЕЛЁНОГО КАМНЯ»

Еще в детстве дружил Александр Васильевич со своим ровесником Алексеем Яковлевичем Касьяновым, нынешним заведующим хатой-лабораторией и садовником колхоза имени Чкалова.

Мальчишками они любили лазать в заброшенную каменоломню близ деревни Ежовой, входящей сейчас во владения колхоза имени Чкалова. В те времена Нецветаев и заметил в одной из пещер каменоломни какие-то странные кругляши, проступавшие на фоне серого бутového камня зелеными пятнами.

До революции в Очёре, понятно, не было юных натуралистов, и то, что сейчас взволновало бы каждого очёрского школьника, не вызвало особого интереса у Саши Нецветаева и Алеши Касьянова. Они равнодушно прошли мимо «зелёного камня», который пролежал почти сорок лет, прежде чем принес известность деревне Ежовой и сыну Алексея Яковлевича Касьянова — Павлику...

Дружба Нецветаева с Алексеем Яковлевичем росла из года в год. Вместе провели они юность, вместе, уже взрослыми, учились на курсах садоводов в Свердловске, когда за несколько лет до Великой Отечественной войны Александр Васильевич пристрастился к мичуринским опытам и обзавелся собственным садиком.

В те годы у Нецветаева появился второй друг в колхозной семье Касьяновых. Это был Павлик, ученик средней очёрской школы, полюбивший фотографа за его чудесные способности мастера на все руки. Они выпиливали из дерева игрушки, наполняли альбомы фотографиями и рисунками прелестных видов Очёрского района, безустали, зимой и летом бродили по лесу.

Однажды, вспомнив далекое детство, Нецветаев рассказал Павлику о своей находке в каменоломне близ деревни: Ежовой — о неведомом «зелёном камне».

Должно быть, рассказ фотографа был достаточно красочным и интригующим, потому что Павлик, проявлявший большой интерес к необычайным явлениям природы, стал тщательно изучать каменоломню. Несколько лет подряд он исследовал пещеры, опускаясь туда с фонарем и тщательно осматривая стены, своды, пол, пока не натолкнулся на «зелёный камень», выходявший кругляшами на

Юннат Юра Вшивков.

поверхность серого бутового камня, подобно огромным монетам, и похожий на глаза какого-то чудовища.

Продолжая разведку, Павлик установил, что «зелёный камень» попадаетеся иногда почти у самой поверхности земли, а иногда встречается на глубине нескольких десятков метров. В иных местах этот «камень» травянистого, желто-зелёного цвета, в других — светлозелёного, а иногда грязно-коричневатого и даже черного. Взяв в руки первый отколотый молотком кусок неизвестной находки, мальчик ощутил на пальцах маслянистые следы. Осколок оказался хрупким и как бы мягким.

Не зная, что это, Павлик, однако, допускал и даже был уверен, что его находка имеет большое значение для Родины. Но проверить предположение было не у кого: уже шла Отечественная война, и его друг Нецветаев, который посоветовал бы, что делать с «зелёным камнем», был на фронте. Конечно, он мог сообщить о своем открытии в районные организации, но от этого его удерживало опасение: а вдруг находка не стоит и ломаного гроша и в Очёре посмеются над школьником.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в 1945 году в Очёр не возвратился Александр Васильевич. Его встреча с Павликом была радостной, как встреча старых друзей, и в первый же день юноша рассказал Нецветаеву о своих пещерных исследованиях. Нецветаев внимательно выслушал друга, тщательно осмотрел место находки и отправил образцы ее в Молотов.

Вскоре из областного центра прислали разгадку тайны «зелёного камня» — то самое письмо, с которого начат наш рассказ о заброшенной каменоломне. «Дорогой Александр Васильевич! — говорилось в письме. — Облплан считает первооткрывателем волконскоита в деревне Ежовой Очёрского района вашего воспитанника Павлика Касьянова...»

Юннат Павлик Касьянов.

«Зелёный камень» и волконскоит — одно и то же. Это глинистый минерал, густо пропитанный окисью хрома. Из него делают краску, превосходящую по своим качествам «веронскую зелёную землю» и «богемскую зелень» — долговечные краски, которыми пользовались величайшие художники мира. Волконскоит очень красиво окрашивает эмалированную посуду и применяется как водоочиститель в паровых котлах. Его название произошло от фамилии князя Волконского — министра императорского двора, которому был преподнесен образец этого красивого минерала в 1830 году, когда он впервые был найден на реке Паль Осинского района, бывшей Пермской губернии.

Эта губерния, переименованная теперь в Молотовскую область, является единственным на земном шаре месторождением волконскоита, если не считать незначительных месторождений в Кировской области и Удмуртской автономной республике, граничащих с западным Уралом. Вот почему еще недавно безвестная деревня Ежова, ныне занесённая на геологические карты, приобрела мировую известность, а слава о первооткрывателе волконскоита Павлике Касьянове, ставшем студентом геологического факультета Молотовского государственного университета, полетела далеко за Очёр.

КЛЮЧК «СЕРЕБРЯНОЙ КОПИЛКЕ»

Геологические открытия юных натуралистов совершенно изменили установившееся представление об очёрских землях, как о районе почти исключительно сельскохозяйственном.

Пройдет, быть может, немного лет, и мы увидим здесь большие корпуса новых промышленных предприятий, добывающих марганцевую руду и перерабатывающих ее в ценный продукт, применяемый, как известно, в виде сплава с железом для получения специальных высококачественных сталей, а также в химическом, стекольном и других производствах. А неподалеку от деревни Ежовой, возможно, вырастет завод по изготовлению из волконскоита художественных красок, и не понадобится тогда возить этот минерал в Ленинград, поставляющий сейчас советским художникам наш отечественный заменитель «веронской зелёной земли» и «богемской зелени». И, кто знает, будут ли эти заводы единственными в списке новых предприятий Очёрского района, недра которого продолжают изучать уже не одни юные краеведы, но и геологи, идущие по следу краеведов.

Ничего нет удивительного если дальнейшие геологические открытия принесут старинному Очёру индустриальную славу. Об этой славе мечтают и юннаты, и многие взрослые очёрцы, «заразившиеся» у

школьников страстью к изучению родного края и торопливо бегущие со всякой находкой в деревянный домик.

Однажды (это было в июле 1948 года) к Нецветаеву явился служащий местной школы механизации Кожевников. Вошел он в избушку юннатов, согнувшись под тяжестью огромного куска каменного угля весом пуда в полтора.

— Вот, молодежь, может, и это вам пригодится... — сказал Кожевников, отдуваясь от усталости и осторожно опуская глыбу на пол.

— Откуда выгреб? — спросил Александр Васильевич, отстраняя бросившихся к добыче, как к пирожному, ребят...

— Да ехал вчера по оврагу, что у деревни Бутылы (знаете, наверно), и увидел на земле в сторонке этот кусочек,— пояснил Кожевников. — Решил сдать вам на анализ. Вдруг и углем богата наша очёрская земля. Чем черт не шутит!

— А может, он просто с телеги свалился? — высказал кто-то из юннатов предположение.

— Может и так, прыткий паренек, — согласился с легким раздражением владелец «кусочка». — Мое дело — принести, ваше — проверить.

— Спасибо, спасибо, дружище, — торопливо сказал Александр Васильевич, почувствовав в тоне Кожевникова нотки обиды, и резким словом одернул сразу смутившегося паренька, не кстати вспомнившего о телеге.

— Проверим, обязательно проверим и о результатах сообщим, — заверил на прощание Нецветаев посетителя, а после его ухода попросил ребят вести себя потише и стал набрасывать строчку за строчкой в «Дневник событий дня», который он ведет уже не первый год.

По этой дневниковой записи был составлен потом маршрут и план экскурсии в окрестности деревни Бутылы. Состоялась экскурсия туда или нет — никому пока не известно. Но, зная привычку Александра Васильевича пускаться в путь по горячим следам событий, можно полагать, что юннаты там уже побывали, и не раз. Однако Нецветаев не любит «шуметь раньше времени», так что преждевременно и писать продолжение истории находки Кожевникова, тем более, что вовсе не этим был знаменателен тот памятный день...

Александр Васильевич умышленно резко одернул паренька, который, не желая того, обидел Кожевникова, высказав предположение, что уголь упал с телеги. Сам безгранично гостеприимный, готовый принять в любое время дня и ночи любого человека, заглянувшего к нему по делам станции натуралистов, Нецветаев и от ребят требует глубокого внимания к людям.

— Кто бы ни был перед вами, — говорит он, — с чем бы кто ни пришел, каким бы нудным или смешным ни показался вам чей-то рассказ, вы обязаны терпеливо выслушать всех, помня, что нам полезен каждый человек. На то мы и юннаты, чтобы не пренебрегать никем и ничем.

Так воспитывается в детях чувство уважения и к людям, и к каждой, незначительной на первый взгляд, вещи, за которой подчас может таиться интересная история или разворачивается увлекательное событие.

Б тот день, когда после ухода Кожевникова юннаты осматривали глыбу каменного угля, к ним с шумом влетела ватага школьников.

Кто-то из них нашел на чердаке своего дома обрывки; старинной, уже пожелтевшей от времени тетради. В былое время, когда не было еще в Очёре станции юных натуралистов, школьник наверное отшвырнул бы эти обрывки ногой, как ненужный хлам, или просто не заметил бы их. Но привитое Невцветаевым почти каждому юннату бережное отношение ко всяким документам прошлого заставило детскую руку поднять стопку разрозненных листков.

И вот листки лежат на письменном столе Александра Васильевича. Он склонился над ними с лупой и ланцетом, словно археолог над древним манускриптом. Из-за его спины, свесив косы и лохматые чубы, неотрывно смотрят на обрывки тетради девочки и мальчики. Директор осторожно расправляет загнутые листки, подбирает их один к другому не столько по полустертой нумерации, сколько по смыслу последних и начальных слов страниц, отыскивая в этом хаотическом беспорядке рукописных строк единую нить связи чьих-то случайно разрозненных мыслей.

Вот установлено время, когда писалась тетрадь, — 1840 год. Вот обнаружен и автор — Ф. Прядильщиков, известный летописец Пермской губернии, сын управляющего строгановским заводом, земляк и сосед очёрских юных натуралистов, избашка которых стоит в десяти шагах от бывшей квартиры управляющего.

Наконец, приведен в порядок и текст сохранившейся части рукописи, начинающийся, примерно, с середины тетради и оборванный за долго до ее конца.

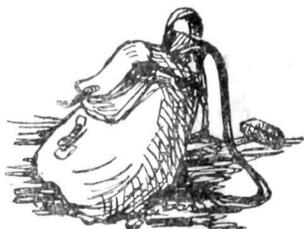
Александр Васильевич читает аккуратно склеенные им страницы, и перед юннатами встает глубокая старина, приоткрывающая завесу над тем, что может еще и сейчас сослужить добрую службу нашей Родине...

«... Назад тому много лет, — пишет Ф. Прядильщиков, — в Соликамске проживал серебрянник, по фамилии Титов. Исполняя кое-какие

работы для жителей города, он употреблял на это металл, частью готовый, частью им самим добываемый прямо из руды. О месторождении последней мастер никому не сказывал, однако ж ходили слухи, будто он поживляется где-то вверх по реке Яйве. Около 1805 года, когда Титов умер, сын его, отданный в рекруты и высланный внутрь России, объявил по военному начальству, что берется указать горным чиновникам прииск серебряной руды близ Соликамска, и что в награду за открытие ничего не желает получить, как только увольнение в мещанство...»

Далее следует рассказ о том, что начальство не вняло голосу сына Титова, отбывавшего солдатчину, не «уволвило его в мещанство», то есть не освободило от тяжелого ига крепостничества, а послало парня на фронт, где он и погиб во французскую кампанию. А заявление рекрута, неведомо устное или письменное, пошло на дно бюрократического болота царских канцелярий. И, возможно, не попадись обрывки рукописной тетради Ф. Прядильщикова в руки очёрского юнната, мы еще не скоро узнали бы, что недра Соликамского района Молотовской области таят в себе не только калийные соли, считаясь крупнейшим в мире месторождением этих минералов, но и серебро, открытое здесь почти два века назад безвестным «серебренником по фамилии Титов».

Нецветаев сообщил о неопубликованном литературном наследии летописца Пермской губернии в Молотов, дав геологам ключ к «серебряной копилке природы», а пожелтевшие листы тетради Ф. Прядильщикова выставил в одной из витрин музея, как символ глубокого уважения очёрских краеведов к документам седой старины.

ОХОТНИК ГРАХОВ

Почти все дальнейшее, что будет рассказано об очёрской станции юных натуралистов, связано уже с именем не одного Нецветова, но и с его ближайшим помощником — зоологом Василием Николаевичем Граховым.

Высокий худощавый, сорокалетний зоолог, по его собственным словам, родился охотником. Как и всякий охотник, он склонен к некоторому преувеличению своих охотничьих трофеев, утверждая с самым серьезным видом, что им убито «около миллиона» птиц и

зверей. Это, пожалуй, единственная неправда, сказанная за всю жизнь честным и прямолинейным во всем остальном Граховым.

До 1936 года он много лет работал формовщиком на Очёрском заводе, но от этого лес не утратил для него своей прелести и всегда манил его к себе с той же неодолимой силой, что и в детстве, когда мальчик Вася Грахов пропадал в сосновом бору целые дни. Никто не мог упрекнуть Василия Николаевича в нерадивом отношении к обязанностям формовщика, однако завод с его кипучей, интересной жизнью всегда уступал в сердце Грахова место красотам природы, к которой он стремился, уловив свободный часок.

В конце концов охотничья страсть заставила его расстаться с заводом и жить, промышляя охотой, вплоть до Великой Отечественной войны, которую, как и Нецветаев, он прошел в шинели бойца от начала до победы. Только демобилизовался он не на берегах Дуная, подобно Александру Васильевичу, а в еще более далеком от Очёра городе Чанчжоу. Во всем остальном их солдатские судьбы были до того сходны, что даже боевые награды у каждого те же: оба носят по ордену Красной Звезды и значок отличника санитарной службы.

Подобно тому, как фотограф, воюя, мечтал о своей новой профессии садовода, Василий Николаевич твердо решил на фронте, что если смерть минует его, он будет после войны работать в зоопарке. На войне, где опасность сближает людей, прежняя отшельническая жизнь вдруг показалась Грахову «волчьей», и он понял, что его великолепное знание природы может принести больше пользы, если отдать его науке. Но случай внес поправку в эти фронтовые планы, столкнув охотника с Нецветаевым.

Они были знакомы и раньше, так как, живя в Очёре с малых лет, нельзя не знать друг друга. И все же, встретив Александра Васильевича в 1946 году, Грахов не узнал в нем бывшего фотографа, вечно озабоченного, вечно спешившего куда-то с громоздким фотоаппаратом на длинной треноге через плечо. Это был совсем другой человек, весь светившийся какой-то неизбывной радостью.

— Вот, брат, — возбужденно рассказывал он охотнику, — прожил почти полвека, а тольке в конце пятого десятка вытянул свой жребий...

Этот «жребий» Грахов внимательно рассматривал через пять минут, когда бывший фотограф затащил его на станцию юных натуралистов, где к тому времени уже появилось довольно много любопытных экспонатов краеведческого музея. Всё, что увидел Василий Николаевич на музейных стендах, заинтересовало его не меньше, чем детей,

впервые переступающих порог этого дома. Только смотрел он на «нецветаевские богатства», разумеется, не взором ребенка, перед которым раскрывается неведомый мир, а глазами охотника, внезапно почувствовавшего себя в знакомой и близкой обстановке.

Мечты о зоопарке, заслонявшие в нем до тех пор все иные стремления, вдруг сменились страстным, нетерпеливым желанием разделить с Нецветаевым его «жребий» и вечно дышать этим творческим воздухом юности. Чтобы не показаться Александру Васильевичу навязчивым, Грахов стал издали говорить о том, какой большой интерес может пробудить в детях изучение фауны родного района. А Нецветаев, уже догадавшись по возбужденному состоянию обычно флегматичного охотника о его скрытых мыслях, просто сказал:

— Хочешь, будем работать вместе?

И охотник крепко пожал руку директора станции юннатов.

Через день-два он притащил из дому сорок чучел разных птиц и зверей, бросив мимоходом в сторону Александра Васильевича:

— Это мой пай.

— Но у меня ведь нет денег, чтобы купить твой зоопарк, — признался директор станции.

— А ты сам разве продавал вот это, и вот это, и вот то, — сердито ответил Грахов Нецветаеву, тыча пальцем в экспонаты, либо подаренные Александром Васильевичем музеем, либо купленные им за свой счёт.

— Ну, спасибо тебе, — поблагодарил директор охотника и помог ему расставить чучела так, что музей стал похож на красивую сказку.

Как и Нецветаев, Василий Николаевич Грахов придает очень большое значение всестороннему развитию юннатов, воспитывая в них чувство глубокой любви к своему району, к нашей великой Родине. Как и Александр Васильевич, он, не будучи профессиональным педагогом, умеет с тонким педагогическим тактом извлекать из детских увлечений общественную пользу. Но все его начинания в области природоведения отличаются той чудесной романтикой, которая может увести каждого из нас в дни нашей юности «хоть на край света» и которой нехватало Нецветаеву, когда он довольно долго безуспешно пытался привлечь школьников к мичуринским опытам.

Чучела птиц и зверей, подаренные Граховым музеем, примели ребят в восторг. Потом этот восторг сменило раздумье.

— А живых нельзя завести, Василий Николаевич?

— Живых вы будете ловить сами, — ответил зоолог.

Это показалось детям слишком смелым. Ну, воробья еще можно подстрелить из рогатки, а попробуй-ка поймать лису или волка!

*Василий Николаевич
Грахов.*

— Поймать не так уж трудно, — сказал Грахов, — но прежде чем ловить, надо очень хорошо изучить того, за кем собираешься охотиться. С этого давайте и начнем.

ЧУДЕСНЫЕ АЛЬБОМЫ

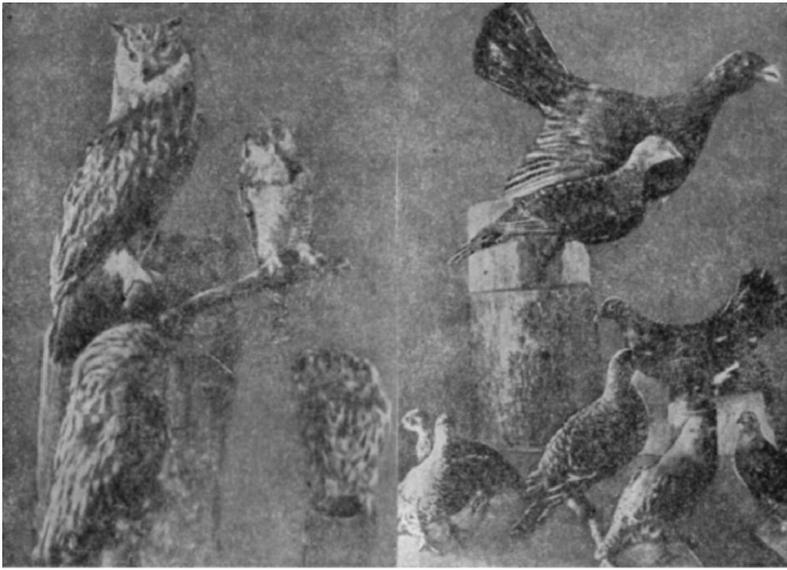
Василий Николаевич достал из большой брезентовой сумки на длинном плечевом ремне, с которой почти никогда не расстается, два толстых альбома в картинно раскрашенных обложках.

В первом альбоме нарисованы акварелью птицы, обитающие в очёрских лесах, и те, которых обычно называют перелётными. Второй альбом посвящен зверям, живущим в этих лесах, и рыбам. Каждому рисунку уделено несколько строк текста с названием птицы или зверя и местности, где их можно встретить, или времени года, когда они бывают в Очёрском районе, если речь идет о перелетных птицах.

До сих пор юннаты как-то не задумывались над тем, что в их маленьком районе так разнообразен мир животных и пернатых, так богато подводное царство. Триста двадцать пять видов птиц, тридцать пять видов зверей, восемнадцать видов рыб разлетелись, разбежались и расплылись по страницам объемистых альбомов в ярком потоке красок.

Альбомы переходили из рук в руки. Сколько тут еще невиданного для юных любителей природы! Даже для самых больших из них, которые уже считаются «охотниками», хотя пока только слушают выстрелы своих отцов, бродя с ними под сенью сосен и елей или в болотах!

Кто знал, например, что в очёрских лесах живут барсуки! Кто видел тут серебристую черную лисицу, которую сам Василий Николаевич Грахов, по его словам, встретил только однажды за всю свою жизнь! А разве попался кому-нибудь скворец с необычным белым хвостом или межняк — гибрид глухаря с тетеревом! Нечего уж

Животный мир Очёра.

и говорить о такой исключительной редкости, как красный волк, зарисованный с натуры у деревни со странным названием Чёрная, оказавшейся черной для волка и в другом смысле — он был убит у её околицы!

— Откуда у вас эти альбомы, товарищ Грахов? — спрашивали ребята.

Оказывается, всё это Василий Николаевич рисовал сам с натуры многие годы, часто подолгу выслеживая какого-нибудь тумака, представляющего собой помесь зайца-русака с беляком, не для того, чтобы убить его, а чтобы зарисовать. Краски и кисть были почти такими же неотступными спутниками охотника, как и ружьё. И владеет он ими не хуже, чем двустволкой, судя по рисункам, правдиво и реалистично изображающим птиц, зверей и рыб в непринужденных позах, подсмотренных Граховым из-за куста или с неподвижной лодки, как бы вмерзшей в зеркальную поверхность очёрского пруда.

Ознакомив детей по альбомам с населением лесов и вод, Грахов достает из той же брезентовой сумки большую серию других своих изумительных рисунков, показывающих, какие звери и птицы приносят человеку пользу и какие — вред. Тут и сова-сипуха, уничтожаю-

шая грызунов, и летучая мышь, поедающая на деревьях ночных насекомых-вредителей, и другие «стражи полей и лесов» или враги сельского хозяйства и лесного царства.

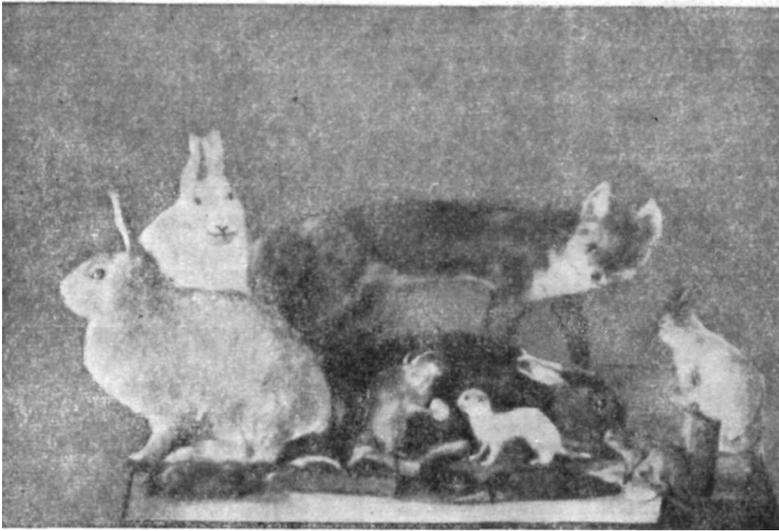
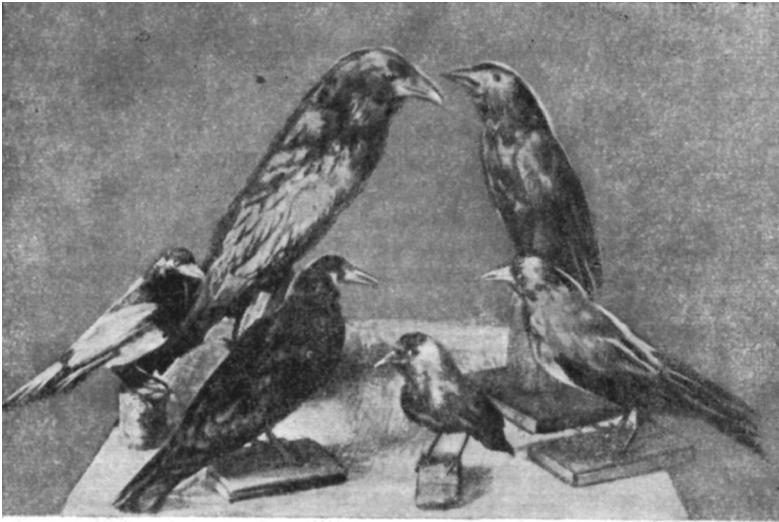
Когда альбомы научат распознавать птиц, зверей и рыб по внешнему виду, Василий Николаевич дает представление об их повадках, положив перед ребятами тетрадь, называемую «Задачи юного следопыта». Она состоит из интересных загадок.

Нужно, например, угадать, кто «съел» нарисованные в разных видах шишки. Вот эту уничтожила белка, оставив от неё лишь один стержень, эту — клест, разворотив её до безобразия в погоне только за семенами, а вот той лакомился дятел, потому что никто, кроме него, не способен раскрошить шишку так, как он делает это в своей «дятловой кузнице», где шишка закладывается в специально выдолбленное углубление.

За главами, посвященными подобным загадкам, в тетради идут чистые белые, как снег, листы, испещренные множеством отпечатков, похожих на кляксы разной величины и разных очертаний. Это — следы лесных животных, по которым полагается определить, кто из зверей «прошёл» на той или иной странице занимательной тетради Василия Николаевича Грахова.

Когда дети познакомятся по граховским альбомам и с животным миром, и с миром пернатых, и с обитателями подводного царства, когда они изучат повадки лесных зверей, птиц, речных и прудовых рыб, — тогда Василий Николаевич опять опускает руку в бездонную сумку и достает оттуда последнюю тетрадь — «Орудия лова». В ней — увлекательные картины охотничьего ремесла и охотничьих эпизодов: последний прыжок зверя, обманутого зажатой в капкане приманкой; куропатка, залетевшая в силки; отчаяние зайца, попавшего в петлю, либо трагическое смятение лисы, запутавшейся в сложном лабиринте расставленных охотником красных флажков, которых этот зверек боится, как огня. Тут же даны чертежи, как самому сделать нехитрые орудия лова, конструкторами которых считаются народная смекалка и хитрость.

И так же, как уроки биологии неизбежно приводят школьников в зеленую мичуринскую лабораторию Александра Васильевича Невцветаева, так граховские альбомы зовут юннатов в лес, в поле, на реку или к красивому очёрскому пруду с его таинственным подводным царством. В разные времена года к этим местам ведет много чудесных дорог. Одна из них называется «белой тропой».

Животный мир Очёра.

ПО БЕЛОЙ ТРОПЕ

В зимний погожий денек, предугаданный юными метеорологами, большой отряд учеников очёрских школ становится на лыжи.

Грахов обходит всех, проверяя, хорошо ли пригнаны у каждого ножные крепления и легкие заплечные мешки. Потом коротко объясняет маршрут, проложенный им еще вчера собственной разведочной лыжней, и цель очередной экскурсии по белой тропе. Наконец, отряд во главе с Василием Николаевичем срывается с места и мчится навстречу великанам-деревьям соснового бора, что стоят, сомкнув свои, как всегда, черные зимой, будто отсыревшие, ряды.

Под кронами сосен, уходящих в небо, на высоких голых золоченых стволах, притаилась тишина, которую не хочется нарушать ни смехом, ни разговором.

Через несколько километров бор уступает место ельнику, и голые сосны сменяются деревьями, запушенными снегом от вершины до корня. Лес, накрытый тяжелым пологом зимы, торжествен и величав. Кажется, никого кроме тебя нет в этом зимнем царстве, но вот на повороте дороги, пересекающей старую лыжню, взгляд упирается в большие буквы тревожных слов: «Осторожно! Лесозаготовки!» И только после этого слышишь ритмичный звук пилы и звонкий окрик топора. Потом, минуту или две спустя, где-то в стороне раздается гулкий, как стон, треск и впереди у самой дороги в вышине рождается падающее облако серебряной пыли. Оно растет не вверх, а книзу, по мере того, как все ниже падает вздыбившее его дерево, поваленное лесорубом. Чья-то лошадь, привязанная у дороги, в испуге храпит и косится туда, откуда доносится будто протестующий шепот елей и сосен, опустивших на своих еще качающихся ветвях только что поваленный ствол.

... Далеко позади остались и лесорубы и лесные дороги, по которым вывозят лес к железнодорожной станции Верещагино. Начались места непуганого зверя и птиц. Василий Николаевич первым входит в их царство, увлекая за собой длинную цепочку лыжников.

Любовь к лесу появилась у школьников, еще когда Нецветаев водил их в геологические экспедиции. Но при Грахове лес как бы раздвинул свои границы, раскрыл тайны, о которых дети не подозревали, проходили мимо, не замечая тех интересных страниц великой книги природы, что «листают» перед ними Василий Николаевич. Вот ямка в снегу, где спал тетерев или рябчик; вот след зайца, дикими прыжками удиравшего, должно быть, от лисы; а это — лёжка лосей...

Уже знакомые всем картины альбомов охотника оживают в лесу словно диапозитивы под лучами «волшебного фонаря». Содержание этих картин воспроизведено в натуральную величину и «озвучено» с помощью «дикторского текста» Грахова, поясняющего то, что невозможно передать в рисунке. Охотник-зоолог приучает детей разбираться в сложной симфонии птичьих голосов, угадывать по шороху ветвей и сучьев походку зверя.

На всем бесконечном лесном пути Грахов часто склоняется к земле, проверяя расставленные им капканы и всевозможные ловушки, в которых то бьется заяц, то трепещет крыльями тетерев, то мечется, ощерив зубы, волк с окровавленной лапой.

Поздним вечером возвращаются школьники с белой тропы. А на следующий день школьный учитель устраивает свой урок на станции юннатов. Ученики с помощью зоолога анатомируют пойманных накануне птиц и зверей и, выслушав рассказ педагога о строении их организмов, превращают под руководством Грахова охотничьи трофеи в чучела. В этом искусстве им всем еще далеко до мастерства Василия Николаевича, но Грахов утверждает, что у него уже появился «соперник» — школьник Коля Чазов, лучший среди юннатов специалист по набивке чучел. Другим «соперником» он считает Ваню Чугунова, ученика той же школы, который до тонкостей постиг азбуку следопыта и частенько задает своему учителю-зоологу такие задачи из области лесных примет, что тот становится втупик.

Долго еще по возвращении из экскурсии будут вспоминать о ней ученики очёрских школ, делая чучела, пополняя музей новыми экспонатами и приводя в порядок свои дневниковые записи, по которым придется потом писать классные сочинения на темы: «Зима в лесу», «Обитатели зимнего леса», «По белой тропе»...

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ

С тех пор как Грахов водворился со своими чучелами в домик юннатов, количество завсегдатаев этого домика сильно возросло, и это не только потому, что почти весь молодой Очёр страстно мечтает пройти с охотником по лесной тропе, но и потому, что у зоолога неисчерпаем запас всяких увлекательных затей. То он учит рисовать с натуры птиц и зверей, притаившись с учениками в густых ветвях дерева или куста; то скрещивает белого почтаря с обыкновенным домашним голубем, от которых рождаются птенцы с невиданного цвета оперением; то обсуждает со следопытами план поимки редкого в этих

Владимир Васильевич Бубнов.

местах зверя — лося; то заводит речь о создании кружка молодых охотников, вызывая у подростков такое сверкание в глазах, что, кажется, можно обойтись на этот раз без трехлинейной лампы — неизменной свидетельницы вечерних бесед в бревенчатом домике.

Ружья пока лишь сняты юннатам, но скоро они будут у них и на плече. Так сказал Грахов, а ему привыкли верить, тем более, что это не простые слова, а целая программа действий, составленная Василием Николаевичем и Нецветаевым и встреченная бурным ликованием всех будущих охотников.

... Когда в Очёр пришли московские газеты с опубликованным в них постановлением Совета Министров СССР и ЦК БКП(б) о плане защитных лесонасаждений, Александр Васильевич и Грахов предложили юннатам внести свою лепту в великое всенародное дело.

Конечно, в лесном Очёрском районе, где природа сама воздвигла плотную живую изгородь вокруг колхозных полей, нет необходимости в создании искусственных защитных заслонов. Но, мечтая переселить под свое северное небо нежную флору Крыма, очёрцы решили, что их сосны могут украсить Крым и дру-

гие южные зоны нашей страны, необъятные степи Поволжья, Центральной черноземной полосы... Словом, Нецветаев и Грахов предложили школьникам Очёра собрать несколько тонн сосновых шишек для государственного лесопосадочного фонда.

Какая же связь между этим прекрасным патриотическим почином и мечтой о создании охотничьего кружка? А дело в том, что государство платит за сдаваемые семена деньги, на которые очёрские юннаты смогут приобрести охотничьи ружья, боеприпасы и оформить платное членство в местном обществе охотников и рыбаков.

Не трудно себе представить, с каким энтузиазмом проводят ребята сбор шишек, позволяющих им, по выражению Василия Николаевича, «убить одним выстрелом двух зайцев». Узнав, что принесут сосновые семена Родине, они даже забывают иногда о желанных ружьях, увлекаясь великолепной «зеленой перспективой», которую разворачивает перед ними Александр Васильевич, склоняясь над картой безлесных территорий СССР. И, глядя на их усердие, знаешь, что будут очёрские сосны расти на юге и будут у очёрских ребят охотничьи ружья.

У каждого свои желания, свои мечты. Одни хотят наслаждаться богатой природой родного края, бродя по лесам и долам с ружьем на плече, другие решили переселить эту природу не только на пришкольный участок, но и в класс.

Во всех пяти школах Очёра дети устроили живые уголки природы. В просторных солнечных комнатах, отведенных под эти уголки, стоят большие аквариумы — новые жилища речных и прудовых рыб, и оригинальные, похожие на шкафы, сооружения, соединяющие в себе вольеры и террариумы, где на ветвях деревьев вьют свои гнезды клесты и соловьи, а в глубоких норках живут зверьки. На подоконниках, табуретках и прямо на полу расставлены кадки с растениями, вытянувшимися иногда до потолка, из семян или крохотных саженцев. Всё это пока только преддверие к тем прекрасным зимним садам, мечта о которых с недавнего времени вселилась в сердца учеников, учителей и родителей, решивших наполнить школы ароматом зимних цветов и пением птиц, приютить под кровлей школы вечно зеленые ели севера и лимонные деревца советских субтропиков.

Живые уголки природы, созданные по инициативе станции юннатов, — дело рук очень многих людей. Когда дети вместе с Граховым ловили в лесах первых птиц и зверьков для зимних садов, школьные советы решали, какие комнаты отвести под эти сады, а отцы юных птицеловов и звероловов мастерили по вечерам аквариумы, террариумы и птичьи клетки; после того, как учителя обсудили доклад Не-

цветаева «О составе флоры живых уголков природы», юннаты приступили к выяснению условий для выращивания в закрытом помещении растений, отобранных педагогами по рекомендации Александра Васильевича. Благодаря всеобщему горячему участию в устройстве садов, школы не тратят ни копейки из своих средств на то, что в иных условиях стоило бы больших денег. Но деньги всё-таки нужны, хотя бы для того, чтобы прокормить всё это множество птиц, зверьков и рыб. Откуда же их берут? Обычно это рубли, сэкономленные школьниками от «пятерок», выдаваемых родителями на кино, на сладости. А когда их нет, ученики семилетки, подходят к директору школы Бубнову:

— Владимир Васильевич, конопля кончилась, а у нас...

И Владимир Васильевич, не дослушав, достает из бумажника десятку.

— Разорили вконец с вашими садами, — машет он рукой, а сам через несколько дней снова тянет из кармана бумажник, рассчитываясь за маленькие, еще не плодоносящие фруктовые деревья и ягодные кусты для летнего сада на пришкольном участке.

Этот сад, купленный в саженцах почти весь на личные деньги, он любит крепче зимнего. Только недавно посадил он его с помощью своих учеников и уже мечтает о создании рядом с садом заповедника местной флоры, в котором росли бы все деревья, кустарники и травы Очёрского района. И создаст такой заповедник, — это несомненно для тех, кто знает Владимира Васильевича, — настойчивого большевика и смелого мечтателя.

УЧИТЕЛЬ ТУРОВ

Удивительные люди есть в Очёре. В их представлении уже давно исчезли границы между личными интересами и общественными. Для каждого из таких людей станция юннатов или школа — это его второй дом, не менее свой, чем тот, в котором он живет с семьей. В заботах об этом втором доме один приносит в него сорок чучел и птиц стоимостью в несколько тысяч рублей, другой превращает собственный фруктовый сад в зеленую лабораторию юннатов, третий без раздумий тратит свою скромную зарплату на покупку саженцев плодовых

деревьев, чтобы его школа, выходящая двумя этажами на главную улицу маленького уральского поселка, была похожа на утопающую в зелени усадьбу.

Если вам случится быть в Очёре, обязательно зайдите в эту школу. Тут есть что посмотреть и есть чему подивиться, особенно во втором классе, который отличается от остальных особо осязаемым домашним уютом, словно в нем учатся дети одной семьи заботливых и нежных родителей.

— Кто делал эти маленькие, удобные, будто выточенные из цельного куска дерева, игрушечно-красивые парты?

— Иван Данилович Туров, — ответят вам.

— А эту массивную, во всю широкую стену, классную доску на поворотных шарнирах?

— Тоже Иван Данилович.

— А большие классные счеты? — Он же, товарищ Туров.

Всё, что видишь во втором классе, — и сосновый учительский стол, и сосновый учительский шкаф, — все сделано руками Ивана Даниловича.

— Прекрасный мастер своего дела, великолепный столяр, — невольно вырывается у вас.

— Он не столяр, он — учитель, — скажут вам — и с этого момента вы уже не перестаете удивляться необычайным сочетаниям самых разнообразных достоинств в человеке по имени Иван Данилович Туров.

Ни об одном учителе очёрской семилетки нельзя сказать, что он не любит свою школу, но ни у кого эта любовь не достигает таких безграничных размеров, как у Турова. Кажется, всё, что имеет этот человек, принадлежит его классу. Детские книги в сосновом учительском шкафу перекочевали сюда из домашней библиотеки Ивана Даниловича; прекрасные золоченые рамки, обрамляющие портреты Ленина и Сталина, взял он из дому; множество наглядных пособий нарисовано, вычерчено, выписано, вырезано его руками; проекционный фонарь с массой диапозитивов появился в классе после одной из получек Турова; тысячерублевая премия, присланная ему, как талантливому педагогу, Министерством народного просвещения РСФСР из Москвы, ушла в тот же день обратно в Москву — в КОГИЗ, с просьбой Турова «выслать на всю сумму по прилагаемому списку книги для школьной библиотеки»...

Нет, он не просто учитель, он — второй отец учеников. Только родители способны своими руками, не доверяя никому, с таким старанием прошпаковать парты перед их окраской (не занозили бы дети руки!), проконопатить стены класса (не простудились бы зимой!). И

Иван Данилович Туров.

только человек с горячим, любящим сердцем, человек советской морали, человек, наделенный зримыми чертами нашего коммунистического завтра, может принимать живое участие в судьбе ребенка уже после того, как ребенок, окончив школьный день, оставил за собой порог школы.

Нити живой связи, протянутые Иваном Даниловичем от школы к семье, приводят его то в дом ученика, чтобы узнать, есть ли у ребенка отдельный стол для домашних занятий, то в поселковый совет с ходатайством о новой комнате родителям школьника, живущим в плохих жилищных условиях, то в кабинет директора завода, где при закрытых дверях учитель просит воздействовать на рабочего К., не считающегося с интересами своей маленькой дочки, ученицы семилетки.

И эти же нити сближают Турова со станцией юных натуралистов, для которой Иван Данилович готов сделать даже больше, чем делает он в школе, прекрасно сознавая огромную роль станции в умственном развитии маленьких детей, склоненных над раскрытой книгой знаний.

Мы видим этого человека в очерских лесах, куда уводит он свой класс, знакомя малышей с природой, мы застаем его в школьном зимнем саду, где много сделано его трудолюбивыми, неуставшими руками, или

в маленьком бревенчатом домике юннатов, куда Туров частенько переносит часы класных занятий, иллюстрируя свой урок экспонатами краеведческого музея.

И Бубнов, и Туров, и Александр Васильевич Нецветаев, и Василий Николаевич Грахов вводят очёрских детей в чудесную «сказку жизни». У этой «сказки» нет и не может быть конца, потому что творит её великая советская действительность, а то, что открывают взорам школьников станция юннатов и школа, порой и в самом деле похоже на сказку.

ВЕЧЕР ЗИМЫ

Представьте себе, что вы приехали в Очёр в лютую зимнюю стужу, когда всё здесь засыпано глубоким, чуть ли не до самых крыш снегом. Еще не зная о существовании станции юннатов и не подозревая об изобретательности очёрской юности, вы получаете приглашение на традиционный школьный вечер, посвященный зиме.

Скинув шубу в учительской,ходишь в темный-претемный коридор. Охраняя вас с боков от незнакомых стен, ученики указывают вам путь робким пучком света, льющим из карманного электрического фонарика. Вы проходите двадцать или тридцать шагов, и неожиданно распахнувшаяся дверь заставляет вас остановиться перед дивным зимним пейзажем. Небольшой молодой ельничек, весь осыпанный серебристым пухом снега, прячет в своей глубине таинственный полумрак. Только слабый отсвет, похожий на отсвет луны, укрытой облаками, позволяет разглядеть птиц, как бы спящих на ветвях, большого, неразличимого в подробностях зверя, выглядывающего из-за дальних оснеженных кустов, и насторожившегося под ближней елкой зайца, готового, кажется, вот-вот пуститься вскачь, если вы сделаете в его сторону хотя бы полшага...

Полную иллюзию зимней ночи в лесу нарушает внезапно вспыхнувший электрический свет, включенный, очевидно, нарочно для вас чьей-то шаловливой рукой. Вы поднимаете голову и смотрите на потолок и стены просторного класса, с большим искусством декорированного под лесной пейзаж. И это второе открытие поражает не меньше, чем первое, когда в глубине школьного коридора перед вами распахнулась дверь в молодой ельничек.

Но вот гневный окрик кого-то из маленьких устроителей лесной сказки заставляет шалуна повернуть электрический выключатель еще раз, и класс снова превращается в ночной лес.

Под раскидистыми ветвями ельничка, прямо на «снегу» рассаживаются дети. Постепенно стихают неизбежные при этом шум, смех, говор и воцаряется «настоящая лесная» тишина. Тогда из глубины «чащи» доносится голос невидимого юнната, начинающего интересный рассказ, который совершенно незаслуженно называется почему-то скучным словом «доклад» о смене времен года. Школьники узнают, отчего происходит эта смена и почему наступила недавно зима.

Через двадцать или тридцать минут первого докладчика сменяет второй. Его тема — «Сон под снегом» — посвящена птицам и зверям, живущим в Очёрском районе. Почти весь этот животный мир вы можете увидеть рядом с собой или неподалеку от вас, там, в темнеющей дали «ельничка», где на деревьях и под ними расставлены чучела, еще при входе принятые вами за живых обитателей леса. Рассказчик обращает ваше внимание на зимние позы пернатых, притулившихся в ветвях елей, либо на путанные цепочки звериных «следов», искусно воспроизведенных юннатами на снежной белизне гигроскопической ваты, устилающей пол декорированного класса. Потом вы узнаете от второго докладчика, сколько дичи и зверья уже добыли в этом сезоне очёрские охотники и сколько им еще предстоит добыть до начала весны. Тут среди юннатов, мечтающих о ружьях, возникает такое шумное оживление, словно это они настреляли сотни тетеревов и рябчиков и за их плечами болтаются шкуры волков, лисиц и зайцев.

Когда кончается «Сон под снегом», на заснеженную поляну выходит учительница с рукописной тетрадью и начинает читать увлекательные охотничьи рассказы. Один из них — о приключениях голодной лисы, мечущейся по лесу в поисках добычи и попадающей в расставленную охотником ловушку, другой — о судьбе несчастного зайца и его семьи, кончающих жизнь в лапах лесных врагов, третий... Впрочем, перечислить темы всех рассказов просто невозможно, лучше сказать, что их сюжетная занимательность и живой, яркий, образный язык делают честь автору.

Но кто же автор? Он — тот самый человек, что затеял вечер зимы, помогал юннатам декорировать класс, готовиться к «докладам» «О смене времен года» и «Сон под снегом» — Василий Николаевич Грахов. С изумлением узнаем мы блестящего бытописателя животного мира в человеке, которого уже знаем как опытного охотника, мастера по изготовлению чучел, отважного воина, способного художника и незаурядного педагога. Его рукописные рассказы с собственными красочными иллюстрациями не без успеха соперничают на школьных вечерах с литературными произведениями советских знатоков природы.

Литературными трудами очёрского охотника открывается обычно художественная часть вечера зимы, в программу которой входят песни о зиме, исполняемые школьным хором, сцены из балета «Снегурочка» с участием воспитанников хореографического кружка, и охотничьи инсценировки, рожденные опять-таки неисчерпаемой граховской изобретательностью.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Вечер зимы бывает один раз в год, но класс собирает в своих стенах юных любителей занимательных зрелищ еще трижды — весной, летом и осенью. Весной на деревьях, расставленных в классной комнате, висят ледяные сосульки, у вершин березок появляются грачиные гнезда и скворешники, сделанные юннатами. На вечере лета класс превращается в цветущий луг, щедро осыпанный дарами летней природы, а осенью на фоне золотого пейзажа красуются плоды труда очёрских юннатов — тучные снопы ржи и овса, горы овощей, северные фрукты мичуринских сортов, — словно экспонаты сельскохозяйственной выставки, хотя всё это — декорация вечера осени.

Проходят своей чередой осень, зима, весна и лето, и во все времена года неизменна страсть юных натуралистов к изучению природы. От изобретательности Василия Николаевича Грахова не отстает и богатая выдумка Александра Васильевича Нецветаева. Почти с первых дней своей работы на станции юннатов ведет он вместе со школьниками «Календарь природы», с каждым годом пополняемый сведениями, углубляющими знания родного края и расширяющими детский кругозор.

В вводной части «Календаря» дано краткое описание географических и климатических особенностей Очёрского района, составленное по наблюдениям юннатов. Затем следуют двенадцать картонных листов, посвященных характерным для каждого месяца природным явлениям, запечатленным в стихах классиков русской поэзии и в красочных детских рисунках. На листе, озаглавленном «Апрель», воспроизведены стихи Тютчева о весне и изображены грачи у гнезда, бабочка-крапивница, первая паутина на заборах и трясогузка на льдине. Дни появления этих вестников весны школьники отмечают на обороте календарного листа, где записывают все фенологические наблюдения.

Десятки юннатов ловят весну в самых различных местах, подкарауливая ее то у реки, где вот-вот должен взломаться лед, то в лесу, где появились певчий дрозд и вальдшнеп. И когда станция юных

натуралистов получает от своих «дозорных» вести о начале ледохода или о начале цветения мать-мачехи,— они в тот же день становятся достоянием всего Очёрского района, слушающего по вечерам у репродукторов «радионовости Нецветаева», как в шутку прозвали очёрцы его выступления у микрофона.

А Александр Васильевич, прочитав по радио свои заметки фенолога, спешит занести их в толстую книгу, озаглавленную «Наблюдения над периодическими явлениями природы в Очёрском районе», в которой вот уже пятнадцать лет подряд он отмечает всё, что происходит в природе.

Эта книга сослужит добрую службу агрономам, развивающим колхозное земледелие на основе глубоких знаний природы.

Из всех весенних событий наиболее сенсационны для молодых очёрцев два — прилет грачей и день сада. Грачей встречают тут как самых дорогих вестников весны. К их прилету ученики школ Очёрского района мастерят обычно новые скворешники, вывешиваемые у школьных зданий, в садах. Птичьи жилища делают и взрослые, украшая ими свои деревянные домики. Весь Очёр наполняется звонким гомоном крылатых гостей с юга, словно воспевающих теплое, яркое солнце и такую же теплую, яркую любовь человека к царству пернатых.

День сада начинается большой выставкой, посвященной садоводству и огородничеству и устраиваемой на самой большой — рыночной площади рабочего поселка. Станция юннатов, плодовый питомник и садоводы-любители выносят сюда сотни саженцев фруктовых деревьев, крохотные деревца комнатных культур инжира и лимона, кусты малины, крыжовника, черной смородины, клубники и семена цветов. Эта ярмарка зелени на день-два становится центром притяжения для сотен людей, приезжающих сюда со всех концов района. Покупают, продают, выменивают излишки на то, чего нехватает в своем саду, или просто дарят эти излишки друг другу. Усталые от ярмарочного шума, отдыхают на весеннем солнце, пьют из огромных пузатых чайников чай в чайной. Потом, отдохнув, спешат в сады Александра Васильевича Нецветаева и Александра Яковлевича Хренова — педагога Очёрского ремесленного училища. Любуются тут нецветаевской чудояблоней, на которой привито шестнадцать сортов яблок, либо не менее чудесными «многоэтажными» гибридами Хренова. А к вечеру собираются на станции юных натуралистов послушать лекцию о замечательных опытах на пришкольных участках и уезжают в глубь очёрских лесов, обремененные ярмарочными покупками и подарками школьников «на память» — пакетиком семян редких растений, саженцем гибрида или чучелом зайца для зарождающегося где-то в глухой деревне уголка юннатов.

После ярмарки наступает вторая часть дня сада, пожалуй, еще более хлопотливая. Ученики возятся в школьных садах, высаживая новые сорта плодовых, ягодных и цветочных культур, ухаживая за прошлогодними яблонями и вишнями, уже прочно «осевшими» на очёрской земле. Покончив с посадкой здесь, идут к больнице либо к заводу, где снова берутся за лопаты, украшая больничную территорию и заводскую площадку растениями, которым суждено преобразить северную флору этого далекого района на западном Урале.

Так вписывают детские руки новые страницы в календарь природы, имеющий как бы свое приложение—«Народный календарь», посвященный народным приметам, выражающим с мудрой простотой и меткостью содержание каждого месяца: «январь — году начало, зиме середина», «апрель богат водой, а май — травой». Многие из этих определений воспринимаются как далекий отзвук бывшего русской деревни: «Май — не холоден, да голоден», «сентябрь — холоден, да сыт», «лето припасиха, зима прибериха». Старинные приметы «Народного календаря», рожденные в давнюю пору, когда сентябрь был для крестьянина чуть ли не единственным в году сытным месяцем, записаны школьниками со слов старых людей Очёрского района.

Увлечение юннатов стариной наталкивает их иногда на открытия, имеющие прямое отношение к нашей современности, как было, скажем, в истории с тетрадью Ф. Прядильщикова, послужившей ключом к «серебряной копилке». И это далеко не единственный пример, подтверждающий необходимость знания нашей древности.

КУРАНТЫ МЕНЬШИКОВА

Юннаты любят устраивать экскурсии не только в лес или на поиски полезных ископаемых, но и на свой старинный Очёрский завод и на такой же древний Павловский, что стоит в близком соседстве с Очёром.

На заводах юннаты дивятся великолепной советской технике, облегчающей и ускоряющей труд человека, даже не подозревая иногда, каким невыразимо тяжелым был этот труд в старину, когда здесь роль механизмов выполняли кузнечный мех и лебедка, а в остальном всё производство держалось на мускульной силе рабочих.

Однажды Нецветаев дал детям возможность заглянуть в ту пропасть, которая разделяет далекое прошлое уральских промышленных предприятий и наши советские дни.

Он приобрел для музея юннатов действующие модели Очёрского и Павловского заводов дореволюционных времен и серию старинных гра-

вюр, изображающих производственные процессы на обоих заводах. Простое сопоставление этих музейных экспонатов с тем, что видят школьники в заводских цехах, производит, пожалуй, не менее убедительное впечатление, чем целая серия докладов и лекций из цикла «Прошлое и настоящее». Что, действительно, общего между примитивными способами производства металла в те, канувшие в вечность, дни и современными автоматизированными процессами варки и проката стали! Как не похожи знакомые всем юным очёрцам стахановцы литейного цеха Очёрского завода на полуголых, изможденных людей, что расставлены безвестным художником на одной из гравюр у изложниц этого же цеха!

Старинные модели заводов и гравюры на темы заводского труда вызвали у Александра Васильевича желание ознакомить ребят с историей возникновения этих первых в Очёрском районе промышленных предприятий. Он раздобыл документы, относящиеся к середине XVIII столетия, среди которых сохранился указ императрицы Елизаветы Петровны от 9 июня 1759 года о разрешении графу Строганову построить в Очёре завод «со штатом в 12 молотов». Архивные материалы свидетельствуют о том, что и в страшное время подневольного труда были на заводах Строганова искуснейшие мастера и механики, чей природный талант расцветал подобно одиноким цветам, чудом рожденным в мертвой пустыне и увядающим задолго до срока. Одним из самых талантливых среди них слыл рабочий Очёрского завода крепостной Михаил Меньшиков, сконструировавший и построивший железные часы-куранты с маятником в семь с лишним метров и тремя гирями по три пуда каждая. Часы были установлены в первой половине XIX века на очёрской каменной церкви, воздвигнутой по проекту другого строгановского крепостного — Андрея Напорова, который, как говорится в одном из архивных документов, «был превеликим мастером архитектурных дел».

Куранты Меньшикова заводились по солнечным часам, что воздвигнуты на овражном пути от станции юннатов к заводу. Человек, стоявший у солнечных часов, выкрикивал часы и минуты, а человек, взбиравшийся на колокольню, переводил по этому крику стрелки курантов, заставляя иногда повторять цифры, не слышанные за дальностью расстояния. Большой колокол «весом в 309 пудов и с серебром на 60 пудов» отбивал четверть, полчаса и часы. Серебро, слитое с черным металлом, придавало звуку колокола изумительную чистоту и относило этот звук так далеко, что бой часов был слышен «за десять верст окрест».

Нецветаев, подобно многим очёрцам, помнит бархатисто-мягкий пе-

резвон курантов, потому что в его юные годы часы еще висели на церковной башне. Но вот уже лет двадцать прошло с тех пор, как замечательное изобретение крепостного Меньшикова исчезло. Ходили слухи, что куранты вывезли из Очёра, утверждали также, что их вместе с колоколом отдали «в переплав» на завод, но точно об их судьбе никто ничего не знал.

Как-то раз, уже после Великой Отечественной войны, приходит в музей юннатов вернувшийся из армии служащий Очёрского завода Сергей Бурдин и спрашивает:

— Помните куранты Меньшикова, Александр Васильевич?

— Помню. А что?

— Не желаете ли украсить ими свой музей?

— Украсить готов, только ведь их из кармана не достанешь.

— Почему же из кармана, им там, сами понимаете, не место...

— Да не тяни ты душу мою, — вскричал нетерпеливо Нецветаев, почувствовав, что сейчас перед ним раскроется какая-то тайна, и, как всегда в минуту волнения, переходя на ты.

— Пойдем, — сказал Бурдин.

Они пришли на завод, где Бурдин уже много лет работает кладовщиком. Минувя цехи с их немолчным размеренным гулом напряженной заводской жизни, он подвел Александра Васильевича к большой груде старого железного лома. Раскидав полгоры этого металлического утильсырья, кладовщик стал извлекать из-под ржавых обломков почти нетронутые временем огромные шестерни, металлические валы и цепные гусеничные передачи.

— Получай, — коротко бросил Бурдин, — только попроси у начальства разрешения вынести с завода.

Крепко пожав руку кладовщика, Нецветаев помчался в райком партии.

Секретарь райкома, как и следовало ожидать, с готовностью откликнулся на просьбу директора станции юннатов, и в тот же день куранты Меньшикова были водворены в музей.

Помогая Александру Васильевичу в перевозке тяжелых частей часового механизма, Бурдин поведал ему между делом историю курантов после того, как лет двадцать тому назад они были сняты с церковной колокольни по распоряжению местных людей, которые, не подумав, отправили замечательное изобретение седой древности в переплав.

— Я-то знал, какая это ценная штука, — рассказывал кладовщик, — и до поры до времени спрятал часики. Потом, воюя с немцами, все боялся, что, вот, убьют меня, и пропадут тогда куранты.

На всякий случай заготовил даже письмо с указанием места нахождения часов Меньшикова и носил это письмо при себе всю войну...

Так были спасены древние куранты. Бесследно исчезли лишь маятник и циферблат, но воспроизвести их не столь уж трудно; было бы хуже, если бы потерялись части механизма, сделанные Меньшиковым вручную с идеально точными промерами меж зубцов каждой шестерни и гнезд в цепной передаче. Эта ювелирно-кропотливая работа строгановского крепостного приводит при взгляде на неё в изумление каждого, даже не знакомого с часовой техникой.

Сейчас очёрские юннаты собираются предложить районным организациям и общественности Очёра восстановить куранты Меньшикова и установить их в башне над зданием городского клуба имени Сталина, чтобы мягкий, бархатистый перезвон гигантских часов, как прежде, был слышен «за десять верст окрест», напоминая жителям маленького уральского поселка о давно умершем талантливом земляке.

ЗНАТНЫЕ ЗЕМЛЯКИ

История с курантами Меньшикова подсказала юннатам новую тему в неисчерпаемом темнике краеведения. Они решили заняться розысками земляков, которые прославились в старину.

В списке знаменитых очёрцев, составленном молодыми исследователями по архивным материалам, первым после Напорова и Меньшикова идет художник Андрей Пищалкин, родившийся в начале XIX столетия.

Сведения о нем, собранные школьниками, пока еще недостаточны, чтобы составить полное представление о жизни и творчестве этого за-

мечательного мастера изобразительного искусства. Удалось лишь установить, что Пищалкин был крепостным того же Строганова, что его в юношеском возрасте послали учиться сначала в Петербург, затем в Италию, откуда он вернулся зрелым художником. Впоследствии ему было присвоено звание профессора, и он стал известен как искуснейший гравёр того времени.

Долго думали Нецветаев и его воспитанники над тем, где достать для своего музея экспонаты, характеризующие творчество их знаменитого земляка-художника. Работы Пищалкина, как выяснил Александр Васильевич, хранятся в картинных галереях разных советских городов. Но кто же захочет расстаться с произведениями искусства русской старины? Можно было бы, конечно, послать в эти города письма с просьбой выслать фотоснимки картин Андрея Пищалкина, но фотография — не картина, да и откуда взять деньги на оплату фотографа?

Пока юннаты решали эти, казалось, неразрешимые вопросы, судьба улыбнулась им широко и доброжелательно.

Нецветаев узнал, что в Очёре живет жена внука Пищалкина. Она сообщила много подробностей из биографии своего давно умершего родственника и передала музею юннатов четыре его работы, хранившиеся среди других семейных реликвий, связанных с именем очёрского художника.

Одна из картин — литографированная копия с известного полотна знаменитого итальянского живописца Рафаэля «Святое семейство», три остальные — рисунки Пищалкина карандашом и мелом. Все четыре картины юннаты считают одними из самых дорогих, самых замечательных экспонатов.

Но продолжим список знаменитых выходцев из Очёра.

Вот портрет крупного зодчего Андрея Никифоровича Воронихина, строителя Горного института и грандиозного Казанского собора в Ленинграде, в котором, как известно, хранятся ключи от Берлина, взятые доблестными русскими войсками во время Семилетней войны 1756—1763 гг.

К сожалению, собранные юннатами материалы об этом зодчем, украсившем многие наши города великолепными произведениями архитектуры конца XVIII и начала XIX столетий, не выходят за пределы уже давно опубликованных сведений о нем. Но можно надеяться, что его земляки — наши современники, с их страстью к исследованиям, дополняют биографию Воронихина новыми штрихами.

Совершенно загадочна личность следующего за Воронихиным известного многим уроженцам старинного Очёра главного механика строгановского завода Михаила Александровича Тунева. Он еще не причис-

лен официально к замечательным людям, но две его рукописные книги, обнаруженные юными краеведами, могут принести ему славу в наши дни. Обе эти книги передала станции юннатов дочь Тунева, бывшая учительница, ныне старая пенсионерка. Первая называется «Теория построения машин», вторая — «Механическая технология».

Бывают рукописи, один вид которых располагает к чтению, как бы ни казалось на первый взгляд скучно их содержание. С таким ощущением перелистываешь и толстые тетради Тунева, исписанные ровным, почти каллиграфическим почерком. Часто встречающиеся чертежи, схемы и рисунки различных машин свидетельствуют о старании автора сделать свои сочинения предельно понятными.

Составленные около ста лет тому назад, труды главного механика Очёрского завода посвящены самым разнообразным отраслям не только близкой ему промышленности, но и сельского хозяйства. Вы найдете тут и «заключения о хлопке», и «теорию сопротивления материалов с приложением её к постройке машин», и «проблемы газификации» — десятки интереснейших тем, уже во многом разработанных нашей советской наукой, но находившихся в зачаточном состоянии в те времена, когда писал Тунев.

Повидимому, его постигла участь многих талантливых изобретателей старой России, оставленных косностью и бюрократизмом царских чиновников в тени истории нашей славной отечественной науки. Вполне возможно, что его книги дадут ценные сведения советским ученым.

Работы Тунева сейчас изучают крупные специалисты. Предварительные отзывы их вселяют уверенность в том, что литературно-научное наследие главного механика принесет ему то признание, без которого юннаты не решаются включить его имя в список знаменитых очёрцев.

Говоря о людях далекого прошлого маленького уральского городка, нельзя не вспомнить крепостных артистов, труппу которых считают прародительницей современного оперного театра в областном городе Молотове.

Те же объемистые архивные материалы, в которых отчетливо обозначается затушеванный временем облик Напорова, Меньшикова, Пишалкина, Тунева, привели юннатов и к истокам театрального искусства в Очёре.

Оказывается, еще в начале XIX столетия здесь был создан первый на Урале певческий театр крепостных Строганова и богача Всеволодского, хор и оркестр которого прославился великолепным исполнением старинных водевилей.

Долгое время представления давались в довольно плохоньком помещении, называвшемся комедийным сараем, и только много лет спустя вместо него был выстроен настоящий театр с хорошим зрительным залом мест на четыреста, оборудованным акустическими приспособлениями. Это уютное здание и поныне стоит на взгорье близ Очёрского завода, хотя ни внешний вид его, ни внутреннее убранство уже ничем не напоминают те времена, когда огни рампы были едва ли не единственным маяком культуры на весь Очёр. В этом здании разместился сейчас заводской профсоюзный комитет.

Юннат Борис Гусев.

Слава об актерах шумела далеко за пределами уезда, доносясь порой и до Перми, где в 1821 году очёрский «певческий театр» дал своё первое выездное представление — водевиль Хмельницкого «Бабушкин попугай». Спектакль состоялся в соляных амбарах Строганова на берегу Камы и, как свидетельствуют архивные документы, имел большой успех. Спустя четверть века после этого в столице губернии зародился оперный театр, в труппу которого вошли почти исключительно силы артистического коллектива очёрских крепостных.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАХОДКА

Архивные розыски юннатов приводят порой к самым неожиданным открытиям. Недавно в руки школьников попала серия очень редких и ценных фотографий об известных всем событиях в Бодайбо, вошедших в летопись революционного движения в России под названием Ленский расстрел.

На одних снимках запечатлены жертвы кровавой расправы царского правительства над рабочими Ленских золотых приисков в Сибири 4 апреля 1912 года во время забастовки протеста против каторжной эксплуатации. Другие фотографии дают представление о различных эпизодах этой потрясающей трагедии, во время которой было убито 270 и ранено 250 человек; на третьих мы видим тех, кто выполнял волю жестокого царя, залившего кровью сибирские поселения, — жандармов, урядников и других палачей народа.

Об огромном значении фотодокументов можно судить хотя бы по тому, что в истории революционного движения Ленский расстрел расцени-

вается, как начало предвоенного революционного подъема в России. События в Бодайбо вызвали волну забастовок и демонстраций протеста по всей стране.

Словно живые, проходят перед нами лица участников героического сопротивления капиталистическому произволу. И сейчас целы в Бодайбо могучие сосны и ели, на фоне которых безвестный фотограф заснял великую и страшную правду страданий русского пролетариата и изумительное бесстрашие, с каким более месяца боролись за свои законные права отважные золотоискатели Сибири.

Вспоминая сраженных царскими пулями героев исторической забастовки на берегах Лены, невольно думаешь, не у них ли научились революционной стойкости горняки Франции, машиностроители Италии, докеры Англии и Америки, поднимающие в наши дни знамя протеста против империалистов — поджигателей третьей мировой войны.

Каким образом оказались фотографии событий в Бодайбо среди архивных документов Очёра, отделенного от этого центра Лено-Витимского золотопромышленного района многими сотнями километров? В поисках ответа на этот вопрос, оставшийся пока невыясненным, юннаты набрели на следы живого свидетеля сибирской трагедии 1912 года.

Его зовут Ефим Гаврилович Мокрушин, и он работает сейчас на Очёрском заводе. Давно-давно, еще юношей, гонимый безысходной нуждой, ушел Ефим Гаврилович в поисках счастья на золотоносные берега Лены. Теперь, спустя много лет, старый рабочий восстанавливает по памяти подробности тех дней, когда шесть тысяч золотоискателей объявили забастовку, вспоминает ужасные лишения забастовщиков и их голодавших семей, рассказывает о мужестве и стойкости русских пролетариев, о первых провокационных выстрелах в рабочих делегатов, направлявшихся в контору золотопромышленников для переговоров, и о полной ужаса, незабываемой картине последовавшего за тем массового расстрела.

Окружив Ефима Гавриловича плотным кольцом, юннаты слушают страшную повесть и гневно хмурят брови.

Ефим Гаврилович Мокрушин — единственный среди знатных очёрцев, чья жизнь уходит своими корнями в далекое прошлое, а вершиной «вросла» в наши советские дни. Вот почему его фамилия завершает список выдающихся земляков, отысканных в пыльных архивах, и открывает второй список — замечательных людей Очёра, славу которым принесла великая сталинская эпоха.

С такой же любовью, с какой юннаты снимали темный налет веков с дорогих образов прошлого они изучают биографии современников, прославляющих Очёр трудовыми и ратными подвигами.

Во втором, гораздо более длинном, списке знатных земляков встречаешь имена четырех Героев Советского Союза, одного генерала и многих стахановцев

Пионеры предложили составить большой альбом портретов и кратких жизнеописаний наших современников. Идея захватила всех, вызвав шумные споры о том, каким должен быть альбом: фотографировать или рисовать всех известных людей Очёра, рассказывать ли о них сухим языком коротеньких биографий или написать о каждом очерк, рассказ, повесть? Пока они спорят, столпившись у стола Александра Васильевича Нецветаева, посмотрим повнимательнее то, что составляет гордость всего Очёра — маленький краеведческий музей с его большой славой.

У МУЗЕЙНЫХ СТЕНДОВ

Среди музейных экспонатов есть много предметов, дающих представление о тех отдаленных временах, когда на месте дремучих очёрских лесов и дальше на восток простиралось бесследно исчезнувшее Уральское море.

От тех времен, называемых палеозойской эрой, сохранились различные виды окаменевших кораллов и моллюсков, обнаруженные юннатами в земляном слое, залегающем на большой глубине. Выше этого слоя попались юным палеонтологам кости носорога и бизона, зуб мамонта, ветвистые рога ирландского лося, рога благородного оленя и масса иных остатков мира животных, относящихся уже к четвертичному периоду, непосредственно предшествовавшему современной эпохе.

Материалы раскопок, производившихся школьниками в местности, именуемой Терехиным логом, вошли в экспозицию музея своеобразной летописью развития жизни на Земле.

Еще больший интерес в этом смысле представляют раскопки стоянок древних племен в так называемых Чудских ямах и в Чортовом городище. Лопата и заступ открыли глубины канувших в вечность эпох, отраженных на музейных стендах. Мы видим здесь каменные палицы и каменные ядра величиной с детский мяч — орудия охоты и самообороны первобытного человека, домашнюю утварь и коллекции монет позднейших тысячелетий — сотни вещей, собранных руками детей, духовно обогащающих себя.

Есть тут, между прочим, стенд, отображающий эволюцию добывания огня — от искры, высеченной из камня, до электрической лампочки. Впечатление, оставляемое этим стендом, применимо, как некая аллегория и ко всему остальному, чем богат музей. Будто одолевая крутую лестницу, поднимаешься из тьмы веков навстречу свету человеческих знаний.

Пока «бродишь» среди каменных ядер и каменных палиц, этот свет слаб. Но постепенно он усиливается, освещая культуру эпох древней Греции, древнего Рима и более близких нам времен, о которых повествуют уже экспонаты относящиеся к Руси Ивана Грозного, Петра I. Далеко позади остается тьма примитивной жизни людей, и, по мере того как музейные стенды приближают вас к двадцатому веку, свет становится всё ярче и ярче. И вдруг, как на утренней заре, он вспыхивает ослепительным солнцем великого сталинского века.

С потолка бревенчатого музея свисают над нами ветви плодовых мичуринских растений — свидетельство мощного расцвета советской науки, на стене развешаны изделия Очёрского и Павловского заводов — показатели неуклонного роста нашей промышленности, сделавшей гигантский шаг от полукустарных заводов графа Строганова, действующие модели которых стоят тут же. Пусть эти изделия не воплощают в себе всей индустриальной славы нашей Родины, но они подчеркивают разницу между старой и новой жизнью самих очёрцев. Возле великолепной металлической посуды местных промышленных предприятий стоят неуклюжие глиняные горшки, деревянные енды, деревянные тарелки и ложки, подаренные музею домохозяйками Очёра за ненужностью.

Сегодняшний день нашей страны представлен на музейных стендах не только продукцией местных заводов, но и промышленными товарами других городов, если эти товары хотя бы в какой-то мере оттеняют прошлое Очёрского района.

Среди таких экспонатов обращают на себя внимание красивые кусочки изделий ивановских и подмосковных ткачей, с кратким описанием современной техники их труда.

Зачем они появились здесь, вдали от Иванова и Москвы?

Не трудно догадаться об этом, взглянув на лежащие тут же образчики грубых домотканых холстов, из которых до революции очёрские крестьяне шили одежду. Здесь и набивные доски, утыканые частыми рядами гвоздей без шляпок, с помощью которых набивался на холсты тот или иной рисунок, окрашиваемый в соответствующий цвет. Набивные доски юннаты обнаружили в деревне Пророки, в доме старой колхозницы Сычевой, муж которой был специалистом по набивке домотканых холстов...

Просто невероятным кажется, что маленький дом вмещает такое множество самых разнообразных экспонатов. Безмолвие каменных, металлических, деревянных и ситцевых вещей музея дополняется живым, ярким рассказом древних легенд и сказок, записанных юными краеведами со слов стариков, или школьными сочинениями о жизни советского века, неизмеримо более интересного, чем все минувшие века.

Очень часто и Нецветаев, и Грахов, и учителя искусно вплетают далекое прошлое в живую ткань нашей действительности, сочетая историю с интересами современности.

Юннаты, изучающие производство Очёрского завода, связанное с металловедением, определяют, по заданию Александра Васильевича, сплавы древних монет нумизматической коллекции своего музея. Во время путешествий по району дети, руководствуясь рассказами деревенских жителей, собирают лекарственные травы, которыми лечились в старину. Эти травы сдаются затем в аптеку для анализа и поступают «на вооружение» советской медицины. Старина учит многому, что вполне применимо и в разных отраслях человеческих знаний XX столетия.

А разве не интересно узнать, отчего произошло название поселка — Очёр? Разведка юннатов привела к «истокам» Медвежьего ручья, по имени которого называли когда-то эту местность жившие тут коми-пермяки. На их языке слова «медвежий ручей» произносились так: ош шор. Впоследствии русские поселенцы заменили это выражение более звучным производным словом Очёр.

Музей давно превратился из юннатского во «всеочёрский». Его любит не только пионерия, но и взрослое население маленького уральского поселка. Мы видим проявление этой любви и у Кожевникова, принесшего сюда свой «экспонат» — глыбу каменного угля, и у Бурдина, спасшего от гибели куранты Меньшикова, и у жены внука Пишалкина, подарившей юннатам картины художника, и у дочери бывшего главного механика Тунева, передавшей музею рукописные труды отца. Можно прибавить к этому списку людей имя бухгалтера очёрского детского дома Константина Михайловича Колчанова, преподнесшего в дар краеведам действующую модель Павловского завода, и десятки других имен тех, кто видит в музее не простую детскую забаву, а «замечательную народную затею», как сказал один старый колхозник, побывавший в бревенчатом домике юннатов.

* * *

Далеко-далеко за Очёр летит слава очёрской станции юннатов. О ней знают и в Свердловске, и в Москве, и в Мичуринске, где на втором Всесоюзном слете юных мичуринцев в 1948 году школьники из Очёра рассказывали о своих опытах, о путешествиях вглубь сосновых лесов, о зимних садах под крышами школ — обо всем, чем богата их жизнь в рабочем поселке западного Урала.

С тех пор в Очёр стали часто приходиться письма из разных городов с просьбой «описать все, что имеет станция юннатов, и чем она

занимается». А иногда приезжают и сами авторы этих писем, желая увидеть своими глазами то, что описано в коротеньких детских посланиях из Очёра. Едут школьники соседних районов, едут педагоги и научные работники Молотова, Свердловска, Москвы...

И тому кто хочет изучить опыт очёрских юннатов от начала до конца, приходится не только провести несколько дней в бревенчатом домике, но и углубиться в очёрские леса.

Там, за гушей вековых сосен и елей, где огромные толпы деревьев обходят стороной околицы деревень и сел, есть уже немало филиалов станции юных натуралистов и краеведов, у которых тоже можно кое-чему поучиться. Нельзя, приехав в Очёр, не побывать у школьников Талицкого сельсовета, составивших великолепную коллекцию минералов, быть может определяющих промышленное будущее Очёрского района; нельзя миновать колхоз «Путь Ленина», если хочешь знать, как его пионеры проводят сбор муравьиных яиц, заменяющих на птицеферме дорогое хлебное зерно; и уже совсем невозможно оставить без внимания те деревни, где сельские юннаты шефствуют над стадами молочного скота и овец, над табунами колхозных коней или помогают колхозным садоводам разводить мичуринские сады.

Но вот закончен объезд сельских филиалов станции юннатов и приехавшие издалека люди, собираясь в обратный путь, снова заходят в музей. В последний раз они осматривают его сокровища, желая запомнить надолго, навсегда, то, что составляет гордость очёрцев. Потом крепко жмут руки Александру Васильевичу Нецветаеву и Василию Николаевичу Грахову, как бы передавая им в этом рукопожатии благодарность нашей Родины.

А бывший фотограф и бывший охотник, проведив гостей до выезда на Верещагинский тракт, уже затемно возвращаются в бревенчатый домик. Собираясь продолжить свой трудовой день, они зажигают настольную лампу. И свет её, еле приметный в густой темноте ночного рабочего поселка, брезжит далеко за полночь, словно сторожевой огонек большой культуры в краю дремучих северных лесов.

Редактор *М. Смирнов*.

Техн. редактор *М. Бродский*.

А010370.

Сдано в набор 30. VI. 1949 г.

Подписано к печати 20.VIII.1949

4 печ. л. Уч.-изд. л. 4 л. Колич. зн.

в печ. листе 41 000. Тираж 20 000 экз.

Ф. б. 60X92/₁₆. Инд. ЛП—162. Зак. 525

Типография Госкультпросветиздата,
ул. Маркса и Энгельса, 14.

Цена 2 руб.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Домик в Очёре». Начало 2000-х

ГРАХОВ
Василий Николаевич

«Книга Памяти Очёрского района» 2-й том, стр. 132-135:

ГРАХОВ Василий Николаевич 1909 п. Очер; призван Верещагинским РБК 1 08 1941; участие в войнах: Великая Отечественная; японская 1945; старшина, стрелок, санинструктор 22-й отд. лыж. брига., 71-й сп 28-й гв.сд 08-09.45 в составе 5 гв.тк-сапер; Белорусский фронт, 2-й Украинский фронт, Забайкальский фронт; демоб. 1945; боевые награды: орд. Красной Звезды, мед. За взятие Кенигсберга, За отвагу, За победу над Германией, За победу над Японией; ранения: 5.08.43-в правую ногу, 11.02.45-контузия, всего 8 ран; формовщик ОМЗ, член КПСС.

СУРОВЫЕ БУДНИ ВОЙНЫ

Когда в Москве 5 августа 1943 года прогремел первый за годы войны салют в честь наших войск на Курской дуге, освободивших Орел, меня в тот день ранило под Белгородом.

После госпиталя в конце декабря я попал в мотоциклетную роту. В мае сорок четвертого мы двинулись эшелоном на фронт и выгрузились где-то за Гомелем.

Мотоциклы нам достались тяжелые, американские, марки «Харлей», с очень низкой посадкой. Пришлось крепко буксовать в белорусских песках и болотах. Наша рота предназначалась в основном для связи с тремя танковыми бригадами, для разведки.

Меня назначили командиром звена, в которое входило три мотоцикла, на каждом — экипаж из трех человек: водитель за рулем, пулеметчик с «Дегтяревым» в люльке, автоматчик на заднем сиденье.

Наш корпус вступил в бой под Барановичами, участвовал в освобождении этого города, а также Пинска и Слуцка. И вот где-то около Пинска мы встретились с партизанским соединением легендарного С.А. Ковпака. Партизаны нам сообщили, что по большаку из Пинска отступает большая колонна полицаев, человек 500 - 600. Наше командование решило перерезать дорогу и разгромить гитлеровских прислужников.

Ковпаковцы согласились провести нас к большаку лесными тропами. Здесь народные мстители отлично знали местность. С ними двинулись два наших бронетранспортера и два танка. Через день колонна полицаев была разгромлена.

Вот тут среди партизан я и увидел знаменитого партизанского вожака. Сидор Артемьевич уже тогда носил на груди Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Освободив Белоруссию, наш корпус направился в Литву, которую без особого сопротивления врага мы прошли за 15 дней, и достигли Бреста у старой границы. Побывали, конечно, в казематах крепости.

Они сохранились, выдержав штурм и осаду врага, но остальные здания и постройки были разрушены и сожжены.

Через сутки, дождавшись пехотные части, мы переправились через Буг и вступили на польскую землю. Гитлеровские войска с каждым днем усиливали сопротивление, используя выгодные естественные рубежи и высоты.

Продвинулись мы за первый день после переправы на 12 — 15 километров и встретили прочную оборону противника. Командование на-

шего корпуса подтянуло артиллерию, одновременно наши танки совершили обходной маневр с флангов. Фашистов удалось сбить с их позиций на высотках. В этом бою у нас подбили несколько танков и пять мотоциклов, в том числе и наш. Мы оказались «безлошадными».

Доложили в штаб. Нам приказали мотоцикл оставить, снять с него пулемет, явиться к штабу и ждать распоряжений. Нас собралось человек 12. Часа через два приехал командир одной из танковых бригад. Комбриг, в кожаном реглане, в болотных сапогах, подошел к нам, побеседовал и распорядился посадить часть «безлошадных» на английские танки, которые мы прозвали «Валентинами» — их в корпусе было две штуки, а остальных — на бронетранспортеры.

С тех пор я стал воевать на броне. На танке нас оказалось трое, у двоих — ручные пулеметы, третий — автоматчик. Командиром нашего танка был лейтенант А.С. Сажин, механиком-водителем — В.М. Углев, стрелком-радиом — Голошвили.

Эти легкие танки тоже предназначались для связи между бригадами. Мы ездили с приказами чуть не каждый день, попадали под артострелы и бомбежку. Однажды получили задание связаться с 19-й бригадой, которая преследовала отступавшего противника, выбивая его из мелких хуторов. Долго искали эту бригаду.

Подъехали к горевшему хутору, там обгорелые поросята бегают, а один уже чуть живой. Тут же мы увидели и следы от гусениц. Постучали по башне, командир нашего танка выглянул из люка. Мы показали следы. Командир вылез, проверил и сказал, что это и есть, наверное, танки 19-й бригады.

— А поросенка взять можно, товарищ лейтенант? — спрашиваем. — Зачем добру пропадать? Почти зажаренный...

Он разрешил пристрелить и положить в ящик на броне.

Поехали по следу гусениц к другому горящему хутору. Там стоял подбитый танк Т-34. Дальше обнаружили свежие ячейковые окопы вдоль полевой дороги. Нам дали сигнал остановиться. Голошвили с автоматом спрыгнул с брони и побежал к окопам. Нас оттуда предупредили, чтобы мы с пулеметом были начеку.

Из темноты вынырнул Голошвили, ведет двух немцев с поднятыми руками. В это время по нам ударила автоматная очередь. Командир нашего танка, захлопнув люк, развернул башню и послал пять осколочных снарядов. Фашисты замолчали.

Мы вскарабкались на танк и поехали дальше. Нас снова обстреляли, на этот раз из орудий. Опять натолкнулись мы на нашу пехоту на передовой, а 19-ю бригаду найти не можем, приказ до сих пор не выпол-

нен. Командир танка решил вернуться. Настроение у нас было неважное. За невыполнение приказа по головке не погладят: трибунал, штрафная рота, может быть, даже расстрел.

Это ЧП разбирал сам командир корпуса. Встретил он нас сурово, велел все объяснить по порядку, потом связался с пехотной частью, занимавшей оборону у хуторов. Оттуда подтвердили, что ночью действительно какой-то танк вел бой с противником, слышалась и автоматная перестрелка. Командир корпуса на этом не успокоился. Он велел нам позавтракать и через два часа быть готовыми показать ему дорогу к месту нашего ночного сражения. Поехали. Командир корпуса — за рулем «виллиса», он редко ездил с шофером.

Добрались до хуторов. Генерал лично убедился, где развернулся наш танк, увидел стреляные гильзы от наших пулеметов, кровавые лоскутки немецкого обмундирования. Убитых гитлеровцев не оказалось. Если они и были, их унесли.

— Вот сейчас я убедился, что вы вели бой, — сказал генерал и приказал возвращаться в часть, привести в порядок оружие, пополнить комплект боеприпасов, постирать гимнастерки, подшить свежие подворотнички.

На другой день личный состав выстроился у штаба. Нам приказали выйти из строя. Экипажу нашего танка и десанту командир корпуса объявил благодарность и представил к правительственным наградам.

Дальше наш путь лежал на Варшаву. И надо же такому случиться, опять 5 августа, но уже 1944 года, меня снова ранило — в 20 километрах от польской столицы. В полевом госпитале достали из меня минные осколки и отправили в глубокий тыл — в Пензенскую область, где я лечился до января 1945 года. И снова бои...

В.Грахов; «ЗТ», 22.07.1975

ШЕСТЬ ДНЕЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ

С пригорка, где взвод ПТР — противотанковых ружей — оборудовал огневые позиции, хорошо просматривались участок шоссе и поля по обе его стороны с поспевающей кукурузой, просом, коноплей.

Приказано держать под прицелом дорогу, не пропустить врага, который наверняка попытается сюда сунуться.

Шел пятый час утра 5 августа 1943 года. В тяжелых солдатских трудах незаметно пролетела короткая летняя ночь. Пока выбрали подходящее место, зарылись поглубже в землю, приготовили ружья, патроны, времени не осталось вздремнуть хотя бы часок.

Это была не первая военная специальность Василия Грахова, и сам он был обстрелянным бойцом. Боевое крещение получил в лыжной бригаде под Старой Руссой, контужен, отлежал в госпитале два месяца. Да и раньше не прохлаждался.

Призван в армию летом сорок первого. Эшелон повез новобранцев на восток. В Монгольской Народной Республике построили две узкоколейные железные дороги общей протяженностью более шестисот километров. В мае сорок второго валили лес, прорубая трассу в тайге под Иркутском. Через месяц на замену нашим бойцам туда привезли пленных немцев, а Василий Грахов неожиданно попал на родной Урал, под Свердловск — опять строить железную дорогу.

Отсюда по решению медицинской комиссии ему в числе десяти человек дали трехмесячный отпуск на поправку здоровья по месту жительства. Грахов к тому времени весил 52 килограмма — до войны его вес был 78. Со станции Верещагино до Очера 24 августа 1942 г. добирался пешком, часто отдыхая, с 6 утра до 6 вечера.

Получил продуктовые талоны: 500 граммов хлеба на день, 400 граммов маргарина или растительного масла на месяц и пол-литра водки — тоже на месяц. С голоду не умрешь, но и не ожиреешь, конечно. Во всяком случае, не скоро войдешь в норму, обретишь прежнюю форму. И Грахов отправился на охоту, прихватив заодно и удочки. Выбившись из последних сил, добрался до Гарей, отдышался, унимая дрожь в руках. Из камышей взлетели несколько уток. Вскинув ружье, успел выстрелить, подбил трех, подобрал двух, к третьей не смог протолкаться через камыши. Взялся за удочки и неподалеку от Уваровской мельницы наловил несколько килограммов окуней.

Увидел тут Грахова старый знакомый по охоте и рыбалке мельник Михаил Федорович Хренов, брат Аркадия Федоровича, генерал-полковника, Героя Советского Союза, тестя ПА. Бурдина — героя Сталинградской битвы.

— Откуда ты такой прибыл — одни кости да кожа? — спросил мельник.

Грахов коротко рассказал.

— Тогда понятно, — кивнул Михаил Федорович. — Монгольские суховеи из тебя все выдули, сейчас тебя надо на откорм ставить. И мы как-нибудь это наладим...

И он первым делом помог Грахову обменять рыбу на муку, которую смололи приехавшие в тот день мужики. За каждый килограмм рыбы выторговали полтора килограмма пшеничной муки. Михаил Федорович в память о старой дружбе предложил Грахову конопатить водосливной

ларь у мельницы и еще кое-что по мелочи, платить за работу пообещал бусом — мучной пылью и прочими отходами при помоле.

— Я и сейчас вспоминаю его добрым словом, — говорит Василий Николаевич, — Он помог мне встать на ноги. Через три месяца меня признали по всем статьям годным к строевой службе.

...Залечив первые раны, полученные в боях в составе лыжной бригады, Грахов попал в 28-ю гвардейскую стрелковую дивизию, стал первым номером в боевом расчете противотанкового ружья. Дивизия, переформированная и пополненная, вступила в бой на завершающем этапе Курской битвы, 30 июля, и в числе других частей получила задачу выбить противника из Белгорода.

За шесть дней ожесточенных боев хватило сполна всякого лиха — сплошной дым, огонь, грохот. Наступило раннее утро 5 августа. На шоссе показалась колонна крытых автомашин и бронетранспортеров. Вторым номером у Грахова был Николай Пастухов, почти земляк, родом из Свердловской области. Оба в совершенстве изучили нехитрое устройство и неплохие возможности ПТР систем Дегтярева и Симонова. Знали, что машину надо бить по шинам или по мотору, а танк — по гусенице.

Ударили сначала бронебойными по одной, другой машине, для верности добавили зажигательными. Справа и слева стреляли по колонне соседи, и кто сколько подбил, разбираться некогда, но Грахов с напарником, по его твердому убеждению, пять машин подожгли. Вражеская пехота высыпала из всех грузовиков, целых и подбитых, бросилась в атаку, охватывая спереди и с флангов полукольцом. Пэтээровцы, взвалив на плечи тяжелые ружья, отошли под перекрестным огнем, путаясь в высокой кукурузе. Из взвода десятерых ранило, в том числе и Грахова с помощником. Уже без них в то же утро 5 августа Белгород был освобожден. Тем же днем войска других фронтов очистили от фашистов Орел, и в Москве прогремел первый за войну победный салют.

Дальше Василий Николаевич воевал в 5-м гвардейском танковом корпусе, соединившемся в Белоруссии с конно-механизированной группой войск генерала И.А. Плиева. Там такой случай произошел на глазах Грахова. Летел немецкий самолет-разведчик, прозванный фронтовиками «рамой», «сатаной с оглоблями» и прочими нелестными эпитетами.

— Огонь по «раме»! — скомандовал Плиев расчету 76-миллиметровой полевой, обычной пушки. Стрельнули два раза, и самолет развалился на две половинки Летчиков в плен взяли. На Украине Грахову и

его товарищам довелось также встречаться с командиром партизанского отряда Д. Н. Медведевым.

Месяц воевал Василий Грахов в десанте на броне английского танка «Валентайн», по-русски окрещенного «Валентином». Восемь ран за войну получил — три пулевых, пять осколочных, но кости целы. Дважды отмечал День Победы. 9 мая — в Кенигсберге, 3 сентября — неподалеку от Порт-Артура. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими. В сорок пятом принят в ряды коммунистов.

Сейчас Василию Николаевичу идет 75-й год. Охоту забросил, но без дела не сидит. Все чучела зверей и птиц в местном музее — дело его рук. По договору с заготконторой ловит кротов — по 600 штук за лето.

Нынче сдал 250.

— Остатки в сентябре поймаю, — говорит он. — Сейчас кроты линяют.

Сушатся у него дома, в тени под навесом, пышные пучки пустырника. В прошлом году принес в аптеку 10 килограммов лекарственных трав. Зреет богатый урожай различных сортов яблок и груш в его саду. И еще успевает бывший солдат временно подменять вахтеров вневедомственной охраны в некоторых заречных организациях города. Ветеран по-прежнему в строю.

Н. Рязанов; «ЗТ», 4.08.1983

СОЛДАТСКАЯ СМЕКАЛКА

День победы, 9 мая 1945 года, мне довелось отметить в Кенигсберге, а вскоре нашу часть направили на Дальний Восток. Ночными маршами мы шли почти через всю Монгольскую Народную Республику — 750 км. Я к этому времени после ранения был санинструктором.

Я был обязан следить, чтобы каша у повара не подгорела, чтобы в котле было заложено все, что солдату полагается, перед походом портянки у бойцов проверить. А тут еще одна забота прибавилась — с водой очень трудно было. Подвозили ее издалека и помалу, по одному литру на бойца в сутки. А днем жара несусветная, пить хочется больше, чем спать. От солнечных ударов в нашем полку свалилось около 70 человек, их везли на машинах.

Перед последними бросками через границу Монголии мы ночью отдыхали, а воду вовремя накануне не подвезли. Меня вызвал командир роты:

— Старшина Грахов, ты охотник и природолюб, и вот тебе задание: к утру напоить роту! Два часа тебе на размышления, а потом доложишь, как намерен действовать.

— Тут два часа думать нечего, товарищ командир, — говорю. — Попробую напоить всю роту.

— А как? — с интересом спрашивает комроты.

— Росой. — говорю. — Разрешите веред рассветом поднять половину взвода и взять у старшины роты десятка два простыней и полотенец.

Командир меня понял и разрешил.

И вот рано утром в нашем расположении можно было наблюдать не совсем обычную картину: по ложине, где среди кустарников росла пожелтевшая от зноя трава, пошли бойцы, волоча по сырой траве простыни, полотенца, даже нательные рубахи. Когда материал обильно пропитался влагой, стали выжимать воду в котелки. Конечно, она была не очень чистой, слегка мутноватой, но пить вполне можно. Насобирали мы за одно утро почти по полтора литра воды на каждого бойца роты. Этим способом позже стал пользоваться весь наш полк, и командир даже поговорку сочинил:

— Кто раньше встанет, тот больше воды достанет.

А мне перед строем — благодарность.

В. Грахов

«Книга Памяти Очёрского района» 2-й том, стр. 297:

НЕЦВЕТАЕВ Александр Васильевич 1898 с. Андреевка Оханского уезда; призван Очерским РБК 1942; Великая Отечественная; сержант медслужбы, разведчик; фронтовые бои, освобождение Украины; демоб. 1945; боевые награды: орд. Красной Звезды, мед. За победу над Германией, восемь благодарностей ВГК; краевед, станция юннатов, основатель и директор Очёрского народного музея, депутат райсовета.

НЕЦВЕТАЕВ
Александр Васильевич

КОГДА ОТШУМЕЛИ ВОЕННЫЕ ГРОЗЫ

(Из фронтового дневника сержанта)

В годы Великой Отечественной войны я вел дневник, куда заносил личные впечатления. Недавно снова перечитал его, и многое вспомнилось. Вот несколько записей, сделанных в первые дни мира.

«Сегодня 9 мая (1945). Местечко Тохи.

Вчера с утра в горах Австрии еще грохотали советские пушки, трещали пулеметы. Враг бежал в панике. На изгибах дорог, на высоких зданиях немцы вывесили белые флаги. Ночью мы вошли в город Грац. На улицах и площадях грудями лежали винтовки, пулеметы, часто попадались разбитые автомашины.

Идут по городу бойцы, отстоявшие Москву и Сталинград. К нам выбегают юноши и девушки, угнанные в Германию в годы оккупации. Они плакали, расспрашивали нас о Родине, поздравляли с Победой. Вчера они были невольниками, сегодня стали свободными.

По улицам громадными вереницами понуро двигались немецкие солдаты и офицеры — вчерашние «завоеватели».

...Отшумели военные грозы. Весь день 9 мая мы готовились в обратный путь, на Родину, к своим семьям.

Освобожденные нами из лагерей девушки постирали нам обмундирование, заштопали носки и гимнастерки, подшили свежие воротнички. Одна из девушек — Валя — рассказала о себе.

Она родилась в 1928 году в Обуховском районе Могилевской области. Немцы увезли ее сначала на окопы, а потом — в Австрию. В Граце их выстроили на площади и продавали по семь марок каждую — столько же стоила и овца. Ощупывали, выбирали — кого по росту и силе, кого — по красоте и фигуре. У каждой на груди было пришито нечто вроде клейма. — знак восточных рабочих.

— Меня, — говорит Валя, — увезли в эти горы, на дачу помещика, заставили ухаживать за скотом. Работала с восхода солнца до 11 часов ночи. Сначала меня сильно обижали и жила я на правах скота, и спала со скотом. А когда стали приближаться русские, отношение к нам изменилось к лучшему. И когда вы вошли в Грац, я убежала с дачи к своим. Спасибо вам, родные, за все!

Потом, продолжая помогать нам собираться в дорогу, девушки запели кем-то из них сочиненную песню на мотив «Раскинулось море широко». Начиналась она так:

*Раскинулась площадь вокзала,
На ней эшелоны стоят,
Они с Украины увозят
В Германию наших девчат.*

А в конце говорилось о том, что напрасно мамаша ждет дочку домой... Поют девчата и плачут. Хмурятся лица бывалых солдат, бойцы украдкой смахивают скупую слезу.

Валя пригласила пойти за черешней к ее бывшему хозяину. Мы пошли компанией, рвали ягоды, угощались, а хозяин косился на нас, потом заворчал на Валою. Она молчала, потом заговорила с ним по-немецки:

— Два года назад меня оторвали от Родины и родных, увезли на чужбину. Я не знала вашего языка. И ты меня купил по цене овцы, и два года я у тебя работала, как вол. И тебе не стыдно еще меня ругать за черешню, за которой я так много ходила...

Мы тоже сделали хозяину соответствующее внушение.

Десятого июня наступил долгожданный час, и мы двинулись походным порядком на Восток, 7 июля добрались до города Крайова. Шофер Гурин сказал мне, что спидометр намотал от города Граца до Крайова 1070 километров. Отсюда мы должны демобилизоваться.

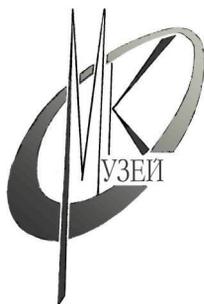
22 августа, г. Галац. Не можем выбраться — нет русских вагонов. А все наши думы уже о доме, о семье.

Соседняя станция — Рени — уже на советской земле, но границу не перепрыгнешь. Мы жадно смотрим на нашу сторону, где люди русским говором говорят, вздыхаем: «О, русская земля! Уже за холмом ты!...»

23 августа. Сформирован русский поезд, стоит на русских рельсах. Вечером, в 6 часов, выехали из Румынии.

Серьезные пограничники осмотрели эшелон. Еще несколько километров, и мы — в СССР. Ура!

А. Нецветаев; «ЗТ», 9 мая 1970

Жители района и города любят свою историю и доказательство тому краеведческий музей, именованный народом "Нецветаевским". Ныне это одна из культурных сокровищниц нашего края, о чём в многочисленных отзывах сообщают благодарные посетители. Особенно примечательно, что на его территории (бывший главный корпус очёрской средней школы №1) расположен "Домик в Очёре", из которого музей и шагнул в историю.

Зал «Очёрская ярмарка»

Открытие выставочного комплекса «Парк Пермского периода»

Зал посвящённый развитию театрального искусства в Очёре